

Лариса Джейкман

Тени ушедших времен

Лариса Джейкман

Тени ушедших времен

«Издательские решения»

Джейкман Л.

Тени ушедших времен / Л. Джейкман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934977-4

Жизнь прожить — не поле перейти. Мы часто применяем эту пословицу, отчетливо понимая, что она означает. Жизненный путь каждого человека извилист и тернист, и легких путей не бывает. Мы живем в такое время, когда нам было трудно в прошлом, тяжело в настоящем, а в будущем нас и наших детей ждет неизвестность. Но такой сценарий повторяется из поколения в поколение. Вспомните своих родителей, бабушек и дедушек. Каково было им? Войны, лишения. Но ведь выстояли, не сломались! Именно об этом моя книга.

ISBN 978-5-44-934977-4

© Джейкман Л.
© Издательские решения

Содержание

Об этой книге	6
Часть первая. Еленька	7
Елена и Петр	7
Елена и Матвей	21
Часть вторая. Из жизни аристократов. Астрахань, начало XX века	32
В доме Шмитов	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Тени ушедших времен

Лариса Джейкман

© Лариса Джейкман, 2019

ISBN 978-5-4493-4977-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об этой книге

Прежде, чем написать эту книгу, я очень много думала и переживала о тех людях, о которых собиралась рассказать. Когда описываешь историю жизни тех, кто ушел от нас больше века назад, это всегда и ответственно, и волнительно и даже тревожно. Ведь ты прикасаешься к тому, что переживали эти люди, какие страсти разгорались в их жизнях, и как они справлялись с теми ударами судьбы, которые были порой неизбежны.

А счастье? Было оно у этих людей тоже, и это так трогательно, когда через многие десятилетия ты приоткрываешь их тайну и видишь, что все, оказывается, было как у нас. Меняются только люди и обстоятельства, а счастье и горести все те же, такие же близкие и знакомые нам.

Часть первая. Еленька

Елена и Петр

Как же жарко в поле в июльский день! Работы непочатый край. Елена работы не боится. Только устала очень и хочется пить! Глиняный кувшин уже почти пуст, а еще полдня быть в поле. Сделав два-три глотка и слегка смочив рот, Елена продолжала полоть.

Она была очень хрупкая и высокая девушка. Огромные серые глаза, прямой нос и красиво очерченные губы. Но самое удивительное в ее облике – это волосы! Тяжелые каштановые и блестящие, они были туго заплетены в косу и уложены вокруг головы. Сейчас Елена прятала их под платком, но вечером ее коса будет у всех на виду. Ох и красива же она, эта коса! Прямо всем подружкам на зависть.

День клонился к вечеру, но жара не спадала. Еще немного, и все начнут собираться вместе, ожидая телегу, которая отвезет их обратно в деревню. Елена ждала телегу с замиранием сердца. Точнее, она ждала не телегу, а Петра, который приедет забрать их с поля. Красивый, пышущий здоровьем Петр был в округе завидным женихом. Семья его жила зажиточно, и телега была своя, и лошади. И платил Петру барин Никанор Кузьмич Плетейников хорошие по тогдашним временам деньги за извоз. Жили они на хуторе, крепостными не были, откупались.

Елена же была из крепостных. Но знала она, что барин их – доброй души человек. Он не противится замужеству и не ставит палки в колеса молодым, если решат пожениться. Да и откупит ее Петр, если любит. Это она знала наверняка. Не далее, как вчера вечером на зорьке забрал он девушку с собой покататься и поклялся в вечной любви.

– Люблю тебя, Еленька! Свет без тебя не мил! Вот пройдет урожайная пора, сено покосим, хлеб уберем и свадьбу сыграем. Согласна ли ты, голубка моя? – молвил Петр, заглядывая в ее глаза, опущенные густыми ресницами.

– Я-то согласна, Петруша. Да только у барина надо отпускную просить, да родителей моих оповестить, чтобы тоже согласные были, да благословили, – молвила Елена в ответ.

Этот вчерашний разговор не шел у нее из головы. Ах, как любила она Петра, как мил он был ее сердцу! Родители у Елены были добрые, хозяйственные. Мать, Арина Никитична, портнихой была, обшивала всю барскую семью. Барыня, Татьяна Федоровна, ох как любила новые платья и наряды, да дочка барская Настасья одета была красиво всегда, в кружева и шелка. Платья да наряды свои они из города привозили, там им шили на заказ, а вот где кружево подпоролось или рукав надорвался – тут Арина и бралась за дело: подшить, заштопать, подровнять. Да и в доме барском всегда работа имела для Арины. То постельное отгладить тяжелым чугунным утюгом, то полотенца повышивать, то воротнички покрахмалить. Все умела делать Арина, и барыня Татьяна Федоровна ей благоволила.

Отец Елены, Фокей, был кузнецом. Он работал на барской кузнице от темна до темна, продыху не знал. Да и сама Елена была работящая. Даром, что тонка, да до работы охоча. Вот и были они в чести у господ. И домишко им отведен был хороший, совсем недалеко от барской усадьбы, и огородик свой, и яблонька.

Одного только боялась Елена – барского племянника Игната. Он, видно, на нее глаз положил. Как не приедет к барину в гости, так обязательно Елену подстережет и слова всякие говорить начинает: мол, давай я тебя на тройке с бубенцами прокачу или хочешь, мол, я тебе бусы коралловые из города привезу? А за что? Понимала Елена, что даром ей это не выйдет и все отказывала молодому прыткому барчуку. Уж больно он ей неприятен был: с лица рябой, рыжие волосы на прямой пробор и кучерявые по бокам, полный, с толстыми пальцами. Нет, никак ей

такой молодец не по душе. Да и нельзя ей, крепостной крестьянке, с барчуком дружбу заводить. Не понравится это ее барьям, поэтому Елена сторонилась надоедливому ухажеру.

«Следующий раз, как пристанет, пожалуйся Петру, пусть он с барином поговорит», – думала Елена, да все откладывала, но вот однажды горько пожалела.

***

Елена любила ходить на реку. Красиво там было необыкновенно. Волга в этом месте была неширокой, текла плавно и спокойно. Вдоль обоих берегов росли густые ивы, склонив свои кудрявые ветви до самой воды. Мягкая зеленая трава прохладным ковром расстилалась у реки, а где трава кончалась, начинался прибрежный песок, чистый, янтарно-желтый. Он всегда был теплым и бархатистым, и дно у реки такое же, бархатистое, песчаное. Любила Еленька волжский берег и до самого заката солнца могла сидеть у реки. И ранним утром в летнюю пору бежала на берег умыться.

Помнит Еленька, как в майскую пору разлучили ее с Петрушей. Приехали из города дюжие молодцы и троих парней из их деревни и Петра с хутора забрали и увезли с собой под конвоем – в рекруты, мол. Когда забрали Петрушу, как горевала Елена, даже проститься им не дали. Придет она, бывало, на берег, сядет под ивушкой и плачет горькими слезами; расставание с любимым – это всегда большое испытание для любящего девичьего сердца.

Три недели спустя двоих парней неожиданно отпустили, Петра и Власа. Уж сколько радости было от встречи, сколько слез счастья. Только угрюмым стал Петр с тех пор, говорит, что опять могут забрать. Но Елена не верила и всячески старалась успокоить жениха.

Постепенно все встало на свои места, Петр действительно успокоился и повеселел немного, а вскорости решил и посвататься. Но неожиданно случилась беда.

Был теплый августовский вечер. Работа в поле закончена, Елена вернулась домой и пошла на реку, прохлады речной вкусить. Сидит, ноги в воде мочит да напевает тихонечко. Вдруг услышала шорох неподалеку, будто крадется кто.

– Петруша, это ты? – позвала девушка.

– Нет, не я, не Петруша. Игнат это, краса девица, – ответил ей толстый барчук, и Елена вздрогнула.

– Что, испужал я тебя что ли? Чего дрожишь как осиновый лист? Или заглодало? Ну-ка, согрею тебя, – с этими словами он плюхнулся рядом с Еленой и схватил ее в охапку.

Елена и вскрикнуть не успела, как его мясистые мокрые губы впились в ее нежный, открытый от изумления рот. Девушка начала отчаянно вырываться из ненавистных объятий, но ей это было не под силу. Пухлая и до омерзения мягкая рука скользнула ей под юбку. Елена застонала от отвращения и, изловчившись, изо всей силы ударила наглеца по голове. Он повалил ее на траву, и не известно, чем бы дело кончилось, если бы не появился Петр. Он искал Елену и, не застав дома, решил пойти на берег. Тут он и появился вовремя.

Петр подбежал к ним и изо всей силы пнул барчука в бок тяжелым кованым сапогом. Потом схватил его за грудки и одним махом поднял с земли. Глаза озлобленного Петра налились кровью, мертвой хваткой он держал барахтающегося Игната и сказал зло и твердо:

– Убью!!! Еще раз увижу или услышу – убью! Так и знай, сморчок дырявый!

С этими словами он отшвырнул насильника, и тот, шатаясь от боли и страха, поковылял восвояси.

Елена все еще лежала на траве, не в силах пошевелиться. Кофта разорвана, волосы растрепаны, юбка задрана выше колен. Она горько плакала.

– Ну и чего ты реवेशь теперича? Довертелась хвостом, что он решил, что может взять тебя без труда. Чай не думал бы так, то не решился бы полезть, – вдруг резко сказал Петр.

– Да ты что?! Чего говоришь-то? Он напал на меня, я и охнуть не успела! – сказала Елена, вскочив с земли и одернув юбку.

– Хороша, нечего сказать! Подыскал я себе невесту, в кустах валящу. Думаешь, ты нужна ему очень? В барыни захотелось? Ну, валяй... Поглядим, как брюхо на нос полезет, когда он опозорит тебя, да и бросит здесь, в деревне, как ненужный хлам...

Петр не договорил. Елена подошла к нему вплотную и изо всей силы ударила по лицу. Петр не ожидал, он схватил ее за запястье и прошептал:

– Не смей... я тебе не барчук-наильник, чтобы ты руки распускала. Иди, приведи себя в порядок, потом поговорим!

Он резко повернулся и ушел прочь. Елена осталась одна. Было больно, горько и обидно. Как он мог подумать, что это была ее вина? Почему она раньше не пожаловалась на Игната? Что же теперь делать? Не прощать же Петру такие слова.

Елена подумала: «Ах, как он посуровел и изменился после призыва в рекруты. Я-то думала, что все позади, но он все такой же ожесточенный. Не узнаю я его».

Она долго переживала и горевала, но больше не встречалась с Петром. Более того, старалась совсем не попадаться ему на глаза. Работы по осени было много и в барском поле, и в своем огороде. Петр больше не приезжал за крестьянами на телеге, ушел работать в кузницу, как и Еленин отец.

***

Наступила зима 1860 года. Декабрь выдался снежным, но не морозным. С Каспия дули теплые ветры и несли тепло по матушке-России до самой центральной ее части. Саратовская губерния между Москвой и Каспием, обдуваемая южными ветрами, являла собой заснеженную, но не промерзшую территорию. Близкая к средней полосе России, изобилующая лесами, славящаяся волжскими просторами местность была до боли любима каждому, кто родился здесь и вырос несмотря на то, что порой зима здесь была холодной, с трескучими морозами, но не в этот год.

– Еще возьмет зима свое в январе. Мало не покажется, – поговаривал Еленин отец, проживший в этих местах всю свою жизнь.

– Ты бы погуляла, дочка, покуда морозы не трескучи. Чего в избе-то все? Молодая еще у печи греться, – сказал Елене как-то Фокей, и она стала выходить понемногу за ворота: за хвостом сходит, к проруби за водой или просто до барской усадьбы прогуляться и обратно. И все боялась с Петром повстречаться. Думала Елена забыть его совсем, а коли с глаз долой, так и из сердца вон.

Однажды под самый новый год Елена с отцом собрались в лес елочку поискать. Барыня приказала Фокею отыскать для барской семьи елку, самую красивую, что ни на есть. Ну и себе за это маленькую елочку было разрешено срубить.

– А как мы в лес-то, пешком пойдем что ли? – спросила Елена отца.

– Да не-е, барин сказал, телегу даст, – ответил отец и покосился на дочь, а у Елены замерло сердце.

– Петра что ли с хутора пришлют? – спросила Арина.

– Да кто ж его знает, Петра ли, кого другого. Нам-то что за печаль? Да Петр, небось, в кузнице. Ох и работающий мужик! Надоело, говорит, на телеге. Хочу, мол, тело поразмять молодое, молотом помахать, – незлобиво ответил Фокей.

Елена ушла за печку за валенками и тихо заплакала. Не улеглась еще ее тоска сердечная, не переболела, видать, душа. Но не хотела она, чтобы родители ее в слезах видели. Вытерла лицо, надела теплые валенки, старенький полушубок и вышла к отцу. Тот еще одевался.

– Э-ге-гей! Дядя Фокей, выходи, поехали! – услышала Елена с улицы знакомый голос и вышла первой.

Ни слова не говоря, девушка подошла к телеге и села на мягкое пахучее сено.

– Ну здравствуй, краса моя ненаглядная, – поздоровался Петр.

Елена промолчала.

– Ты что ж теперь, и здороваться со мной не желаешь, али не мил я тебе больше совсем? А могли бы и примириться, а, Еленька? – настаивал бывший кавалер.

Но тут подошел Фокей в старом овчинном полушубке, подшитых валенках и огромных овечьих рукавицах.

– Здорово, дядя Фокей! Как живешь – не тужишь? Чего это дочка у тебя такая неразговорчивая? Али в строгости ее большой содержите? – спросил Петр смешливо.

– Трогай давай! Балагурить потом будем. Дочка сама себя в строгости держит и правильно делает. А то ишь, картуз набекрень, вместо валенок сапоги. А это еще что за коврик вокруг шеи намотан? – строго, но все же со смешинкой в голосе спросил Фокей.

Петр тронул лошадей.

– Это, дядя Фокей, не коврик. Это – шарф называется. Чтобы горло, шею и уши в тепле держать. Я его в городе в прошлом разе купил. Там все-е носят, от мала до велика. Из тонкой овечьей шерсти связан, – с гордостью ответил Петр.

– Ишь ты, слово-то какое мудреное: «шфарф». А чего полосатый такой? Ну что ни на есть, коврик в сени, – недоверчиво пробурчал Еленин отец.

– Эх, отсталый ты мужик, как я погляжу, дядя Фокей. Да ты что думаешь, ежели мы не в городе живем, так нам и о модах думать не надо?

– А я тебе не барская Настасья, чтобы об модах думать. У меня вон – дочь на выданье. Хорошо хоть нам наши барья не большой указ, а то бы отдали мою кровинку за такого, как ты, модного, и поминай, как звали, горюй всю жизнь, – совсем как-то невпопад вдруг сказал Фокей, и Елена покраснела, дернула отца за рукав, укоризненно посмотрев на него.

А Петр вдруг и заявил:

– Мне, дядя Фокей, барин тоже не указ, кого в женки брать. А если хочешь знать, я и так подумывал к тебе сватов засылать. А что, Елена – девка видная, работающая. Давно я к ней приглядываюсь. Люба она мне. Ты спросил бы дочку-то, по нраву ли я ей? А коли так, то и рядить будем. А, Еленька? Что пригорюнилась?

Девушка совсем растерялась и уткнулась лицом в отцово плечо.

– Ну ладно, хватит мне тут! Больно умный сыскался. Ишь ты, «Еленька»... Не про тебя девка, – оборвал Петра Фокей.

– Это почему же? Я вот торговать собираюсь, в город буду шерсть, деревянную посуду, утварь всякую возить продавать. Там глядишь, и лавчонку открою. Избу хочу новую ставить. Жениться мне надо. Жена по хозяйству будет, да детишек растить. А чем Елена не хозяйка? Ну скажи, дядя Фокей? Я ведь по-серьезному.

Но тут лес загустел. Лошади ушами прядут, в глубь идти не хотят. Сошли все трое, и Елена сразу же провалилась в сугроб. Петр помог ей выбраться, отряхнул с ее валенок снег, и пока Фокей подкармливал лошадей, украдкой тихонечко поцеловал ее в розовую упругую щеку.

Елена не сопротивлялась. Она хотела только одного, чтобы все плохое забылось, и к ним вернулась любовь. Она готова была простить, да и давно уже простила Петра. Вот только заноза в душе колет, забыть обиду никак не дает. Одно дело – простить, другое – забыть. Да мягкая душой была Елена. Простила, забыла, все плохое вычеркнула из души и из памяти.

***

Сосватал ее Петр. А тут и откупную платить не пришлось. Государь Александр Второй успешно проводил в жизнь свои знаменитые реформы. И вот в феврале 1861 года отменили царским указом крепостное право. Крестьяне получили землю с дальнейшим правом ее выкупа.

Как радовались Арина и Фокей: земля, домишко – все осталось у них. Да барин еще и лошаденку им подарил, не бог весть какую, но все еще рабочую. И дочь их замуж шла, да не абы как, а за работающего, для всех в деревне завидного жениха Петра Игумнова, который хоть и молод был, да давно уже стоял на своих ногах.

К свадьбе готовились долго, но когда невеста с женихом вышли к алтарю, от нее глаз было не отвести. Тоненькая, в белом платье с кружевами, с фатой до пола, Елена выглядела, как с картинки. Все село собралось на них посмотреть. Жених тоже статный, в добротном костюме, он чинно держал свою невесту под локоток, и гордости его не было предела.

Сыграли свадьбу, вся родня, все близкие друзья и соседи пришли поздравить молодых. Подарков надарили уйму! Все в дом, все для хозяйства, и жить бы молодым, да радоваться, но не тут-то было! Уж очень ревнив оказался Петр. Как не выйдет Елена за ворота, как не пройдет по деревне – все талдычит он ей, что заглядываются мужики на нее, да пускать перестал.

– Сиди, Еленька, дома лучше, от греха подальше. А идти куда – вместе пойдем, – говорил он ей не грубо, но наставительно.

Елене только семнадцать годков исполнилось, да уж больно расцвела она в замужестве. Все тело статное налилось, лицо – что персик сочный. Глаза сияют, волосы блестят. Было от чего волноваться мужу. Боялся потерять такую красоту. Да и по дому, по хозяйству шустр. Все успевала: и за скотиной, и в огороде, да еще и престарелым родителям нет-нет, да поможет по хозяйству: и своим, и мужниным.

А тут вдруг Игнат зачастил на старую барскую усадьбу. Сам-то он уж женился давно, да не мог забыть Петр, как он Еленьку чуть не опорочил.

«Нет, такую красавицу-жену надо дома, взаперти держать. Украсть не украдут, а соблазнить могут», – думал ревнивый муж и переживал.

Так жили они уж четвертый год. Петр себе избу новую отстроил, и жили они хоть и одним двором, да отдельно с его родителями. Петр хотел слыть примерным мужем. По характеру-то он был человек неплохой. Еленьку любил без меры, к родителям относился уважительно. Только вот одно ему мешало. Хотел выбиться в люди, да никак не удавалось. Раньше он кто был – хуторской! На фоне крепостного люда выделялся и был доволен. А сейчас что? Все ровня. Ну кто побогаче, кто победнее, да разве в этом дело?

Хотелось слыть на всю округу удачливым и счастливым. Хотелось много добра, большую усадьбу, земли побольше. Но никак не мог Петр достичь своей мечты. Как ни торговал он в городе, все никак к купеческому люду не мог примкнуть. Не тот размах был. Да еще и детей бог им с Еленой не давал.

Стал Петр обозленный и на себя, и на всех, кто вокруг него. Друзей-товарищей себе не заимел. Так, знакомые шапочные. Никто и к нему в друзья не набивался. Был у него, правда, сосед, Архип, одного с ним возраста мужик, вместе на базар в город ездили. Жена Архипа, Алена, шерсть пряла да красила. Потом вязала носки, рукавицы, телогрейки, одеяла. А еще из пуха лебяжьего платки умела вязать. Архип продавал, неплохие деньги делал.

А Петр соседу завидовал. Ему-то приходилось самому свой товар изготавливать. Посуду резать из дерева, подковы ковать, скобяные изделия – запоры, крючки, петли на ворота. Все это требовало много времени и труда, а доход приносило почти такой же, как и Архипу. Елена у него тоже шерсть пряла, да грубая она у нее получалась, и красить она не умела, Алена секрет не выдавала.

Как ни бился Петр, а все доволен не был.

– У Архипа жена работает, спины не разгибает, а он так, на подхвате. Она нарядет, навяжет, а он в город съездит, да продаст. А я в кузнице с утра до ночи, продыху не знаю, – не раз выговаривал он жене.

Но Еленька к его жалобам не прислушивалась.

– Ты, Петруша, мужик мастеровой, а Архип нет. Зато он весь двор, скотину и домашнее хозяйство в порядке содержит. А у нас в доме это все на мне. Не забывай.

С этими доводами Петр не согласиться не мог, но зависть и недовольство не давали ему покоя. Он стал вынашивать план мести, сам того не подозревая. Черные мысли крутились у него в голове, но придумать он ничего путного не мог, поэтому злой и недовольный продолжал работать и готовился к очередной поездке в город на распродажу.

***

В избе было холодно. Сколько печку ни топи, все нет тепла. Уж очень лютая в этом году зима стояла. Рождественские морозы давали о себе знать и днем, и ночью. Аж деревья трещали. Сугробы намело выше пояса. В лесок за дровишками лишний раз не съездишь, лошади сквозь снег пробираются с трудом. И прорубь за ночь замерзала не реке так, что каждый день приходилось новую прорубать.

А Петр и Архип собрались на базар. Как ни отговаривали их всем миром погодить да повременить, не слушали они никого. Товар готов, надо продавать, вот и весь сказ!

Петр нагрузил телегу добра, да какую-то неполную. А у Архипа товару – аж в телеге не помещается. Самое время теплыми шерстяными вещами торговать, вон мороз какой лютый!

– Положи чего ко мне, если не влезает, – предложил Петр.

Елена, скрепя сердце, собрала мужа в дорогу, да все приговаривала:

– Смотри, Петруша, осторожнее. Лесом не езжайте, лучше в обход. А то как заплутаете, дороги не найдете, так и конец на таком морозе-то.

– Да что ты, Еленька! Я в этом лесу с закрытыми глазами и ночью дорогу найду. Каждый кустик, каждое деревце мне знакомо. Не бойсь... – отвечал ей Петр.

Только чувствовала Елена тревогу какую-то. Что-то и Петр ей казался каким-то странным. Все как торопился куда-то. А то задумается вдруг и не слышит, когда она с ним говорить начинает.

– Чего это ты, Петруша, какие думы тяжелые думаешь? Али беспокоит тебя чего? – спрашивала Елена.

– Да не-е, это я об вас думаю. Не захолодали бы тут. Дров-то хватит до моего приезда? Шла бы ты, Еленька, к родителям в избу, все меньше хлопот, – просил ее заботливый муж.

– Не тужи об нас, Петя. Хватит нам дров. Чай бок о бок не пропадем, не впервой. Ты себя береги. Да привези из города чего – сахарку, баранок. А еще гребень. Старый мой уж совсем поломался. Волосы я им не прочесываю.

Петр обнял жену на прощание, сказал, чтобы не горевала о нем, оделся потеплее и был таков.

Уехали они с Архипом ранним морозным утром. Еще и не рассвело толком. Лошаденки бежали резво, только в лесу им было трудноато пробираться через занесенную снегом тропу.

– Может в обход? Еще не поздно повернуть, не так далеко в глубь зашли, – спросил Архип.

– Да не-е, так быстрее все равно. В обход пойдем, чуть не полдня потеряем. Я тут знаю дорожку покороче. У оврага свернем направо, проедем вдоль до вырубки и через овраг, он там пологий. А потом прямо, и как раз к станции выйдем, – ответил Петр и хлестнул лошаденку.

Архип был мужик тихий, покладистый. Рано остался один, без родителей. Воспитала его тетка Мария, она же и жену ему присмотрела, племянницу своего мужа, Алену. Девушка была старше Архипа на два года, после двадцати уж, говорят, в девках засиделась. Была Алена из многодетной семьи, самая старшая из восьми братьев и сестер. Всех нянчила, за всеми ухаживала, некогда ей было о женихах думать. Вот Мария и приглядела девку.

– А что, мой племянник хоть куда! Тихий, работающий. Выходи, Алена, за него, не пожалеешь, – сватала она Архипа.

Алена согласилась. Устроили смотрины, а потом и свататься пришли. Архип пришел с теткой и ее мужем к Алениным родителям, а те ни в какую. Алена, мол, не пойдет за юнца.

– Ей мужик самостоятельный нужен. Вон Поликарп овдовел, сам говорил, что год пройдет и женюсь на вашей Алене, – говорила мать в сердцах.

– Да у Поликарпа трое детей, мал мала меньше. Ему нянька нужна, а не жена! Пожалейте дочку-то, – отвечала Мария.

Так они спорили в присутствии бедного Архипа, который не знал, куда глаза девать. Но тут вдруг вышла Алена и заявила:

– Я, маманя, согласная. А за Поликарпа я все равно не пойду. Ему уж сорок лет, старик совсем! Что хотите делайте, а я выхожу за Архипа, раз сватает он меня.

Все оторопели от неожиданности ее слов, Архип вскочил и выбежал во двор. Потом вернулся в избу и сказал твердо и по-мужски:

– Раз согласная Алена, то благословите нас. Я ей буду хорошим мужем. Не смотрите, что моложе ее, в обиде не будете.

Долго плакала Аленина мать, и бурчал недовольный отец, но согласие свое дали. Пожились Алена с Архипом и зажили счастливо. Привыкшая к детям молодая женщина родила подряд троих, а Архип сдержал свое слово, ухаживал и заботился о семье, как мог, и родители Алены никогда на него не серчали.

Он и хозяйственный и оборотистый вон какой. Алена только детьми да вязанием занималась, готовить правда любила. А все остальное на плечах ее молодого мужа: и двор, и скотина.

Да еще они с соседом Петром вели успешную торговлю в городе. Уезжали вдвоем и возвращались всегда вместе. Помогали друг другу товар распродавать, но домами не дружили. Алена вся в детях, в хлопотах, заботах, а Елена детей не имела. Завидно ей было в глубине души, и не складывались у них отношения с Аленой, хотя никто ни на кого зуб не имел.

***

В этот злополучный раз вернулся Петр из города домой один днем через пять. Спрашивает его Алена, а где же, мол, Архип? Да и Еленька встревожилась, не случилось ли чего?

Но Петр как бы удивился и сказал:

– Да ничего не случилось. Доехали мы до города и расстались. Он там и остался торговать, а я в другое место подался. Мой товар скобяной, я и поехал на окраинный рынок, там больше сельский да деревенский люд, им мой товар нужнее, чем городским.

– Так ты больше так Архипа и не видел? – не отступала Алена.

– Не видал, нет. Я потом окольным путем возвращался, не через лес. Не хотелось мне через лес одному-то. Думал, он уж тут давно. Да и то сказать, товару-то у него сколько было. Может, и не распродал все враз. Ты не пужайся, Алена. Вернется он, куды денется, – ответил Петр и с этими словами усталой походкой пошел в избу.

Как вошел в дом, так и упал на лежак у печки и уснул мгновенно. Елена и парой слов с ним обмолвиться не успела.

Тревожно было у нее на душе. Решила дождаться, когда проснется Петр, да порасспросить его, как торговля, много ли денег привез, купил ли чего?

Муж проспал аж до ночи. А как проснулся, сразу есть попросил. Ел молча, жадно. Лицо серьезное, брови сдвинуты, глаза не поднимает, на Елену не смотрит.

Она сидит на лавке, ждет. Поел Петр, крынку молока залпом выпил, а потом подсел к жене.

– Ты вот что, Еленька. Язык за зубами держи, коли я скажу тебе чего. Я деньги нашел, очень много денег, – сказал он вполголоса.

Елена скрестила руки на груди, и огромные глаза ее расширились от удивления.

– Да ты что, Петруша? Где, как? Куда же теперь с ними? – спросила она, испугавшись.

– А вот куда – в город подадимся. Свое все продадим. Я денег подкопил, сей раз еще привез доход с торговли, да эти, которые нашел. Хватит нам, чтобы там обосноваться. Как раз купец один свой старый дом продает и лавка при нем же. Небольшая лавчонка, да на бойком месте. Вот мы этот домишко и выкупим. Денег хватит, я подсчитал, – шепотом поведал жене Петр и прижал Елену к широкой груди.

– Да как же мы на найденные деньги будем дом покупать? Все равно, что на краденые. Мы ведь не можем себя, Петруша, на такой обман обрекать. А что, как дознается кто? Отымут все, и чужое, и наше. И куда мы тогда, на улицу пойдем? Нет, не дело ты говоришь, – сказала Елена и закачала головой.

– Ну найденных денег тут только часть будет, они больше как подспорье. Что же мне было делать с ними? Нашел и выбросил, али чего? – спросил Петр, глядя на жену исподлобья.

– К городовому надо было отнести. Так, мол, и так. Нашел там-то и там-то. Уж, поди, ищут их, запрос написали. Люди со своим добром просто так не расстаются, – не отступала Елена.

– Да ты дура совсем, как я погляжу. К городовому... А он их к себе в карман положит и спасибо не скажет. А еще хуже того, ежели и найдут того, кто их потерял, тот скажет, мол, ага, нашлись мои денежки, только тут их половина. А где, мол, остальные? Я-то при своих деньгах, вот и подумают, что это я не заработал, а его, растыки этого, деньги прикарманил!

Петр перевел дыхание и посмотрел на присмирившую Елену.

– Нет уж, дорогая женушка. Не надо мне на задницу всякой кутерьмы навешивать. Нашел и нашел. Молчок, и ни одной живой душе ни слова. Так-то оно лучше и спокойней будет.

– Нет, Петруша. Не согласная я. Ты как знаешь делай, а я тебе вот что скажу: на чужой потере не разбогатеешь шибко. Пошли спать. Устала я чего-то, да и рано надо встать, печку растопить, – сказала Елена.

На душе у нее было беспокойно. Мало того, что сосед пропал, да еще эти деньги. Все как-то случилось разом, и не знала она, за что больше переживать.

***

На следующее утро вся в слезах пришла Алена.

– Ты чего? С Архипом что-нибудь? – тревожно спросила Елена.

– Лошадь его ночью пришла. Одна. Удила перекусаны, сама вся изможденная, а Архипа нету, – сквозь слезы пожаловалась Алена и спросила, где Петр.

– Да на реку пошел, воды натаскать. Чай пять дней дома не был. Да ты погоди, не реви. Он потому и не воротился еще, что лошадь свою потерял. Не бросит же он телегу где попало, – попыталась успокоить ее Елена.

– Нет, чует мое сердце, беда с ним приключилась. Зачем бы ему лошадь распрягать? Али она сама удила перекусила? Да как она одна-то домой прибрела, даль такую, да через лес? – спросила Алена и снова заревела во весь голос.

В сенях загремели ведра. Петр вернулся и вошел в избу. Он явно не ожидал увидеть Алену. Слегка отпрянув, но быстро совладав с собой, спросил:

– Ну чего, стало быть, нового? Вернулся твой суженый, али все еще нету?

– Лошадь его вернулась, одна, без Архипа, – ответила ему Елена.

– Как это?... Дык ведь... стало быть... – растерялся Петр. – Вот ведь напасть-то, – пробормотал он и вышел из избы.

У Елены сердце зашло. Сама не зная, почему, она вся задрожала. Вышла за мужем вслед и спросила:

– Так чего делать-то? Искать мужика надо.

– Да где ж его искать? Подождать надо малость. Глядишь, и объявится. А уж коли нет, так убеги, видать. Не помер же он прямо посреди базару, – говорил Петр, повернувшись к Елене спиной.

– Куда еще убеги?! Ты бы хоть думал маленько, когда говоришь-то чего! Убег... Убег бы, так с лошадей. Оно сподручней. Да ну тебя к лешему! – сказала Елена в сердцах, махнула рукой и вернулась в избу.

– Ну ты давай, Алена, иди, собирай мужиков. Пока засветло, искать Архипа надо. Может, в лесу где заблудший, али больной. Может, телега сломалась, ось полетела, мало ли чего. Вот он и отправил лошадь, чтобы дать знать, – распорядилась Елена.

– Бегу! А ты порасспроси покуда Петра, какой дорогой они завсегда ходят через лес, чтобы туда и идти, – сказала Алена и выбежала из избы.

Вернулся Петр. Он изменился в лице. Елена это сразу подметила, но говорить ничего не стала.

– Пойду по лесу пошукаю, покличу Архипа. Может и взаправду где заблудился, – сказал Петр, не глядя на жену.

– Ты бы не один, Петруша, а с мужиками. Алена вон пошла собирать народ, ну и ты с ними, – начала было Елена.

– Нет! Я один пойду. Ты вот что, дай-ка мне чего с собой. Ну там сала шмоток, молока. А то сколько я проплутаю, неведомо, – попросил Петр.

Он крепко расцеловал жену.

– Смотри, Еленька, ежели случится чего, не поминай лихом. Все деньги я спрятал под сундук. Да не лазай туда до поры до времени. А ежели спросит кто, ничего, мол, не знаю, никаких денег не видела. Поняла? – спросил Петр, держа Елену за плечи и глядя ей в глаза.

Она нахмурила брови и сказала неласково:

– Ладно, ступай, Петр. Не до денег сейчас. Кабы нашелся Архип, тогда и ты бы чист был... Да не смотри ты на меня так и отпусти плечо, больно ведь, вцепился, как клещами.

Она отшатнулась от Петра и села на лавку.

– Ты, Елена, баба неглупая, но языкаястая дюже. Супротив меня не иди, вот тебе мой сказ. Ну да я пошел, а то смеркаться скоро начнет.

С этими словами Петр вышел из избы, взял топоришко и направился к лесу. А вскорости и другие мужики отправились туда же, прихватив с собой лошадь Архипа.

***

Все случилось очень быстро. Несмотря на знатный морозец, лошаденка бежала довольно резво и уверенно. Мужики еле поспевали за ней. Шел снег, и в лесу было довольно сумрачно.

Лошадь добежала до оврага, спустилась в него по пологому склону и побежала, не останавливаясь, в сторону вырубki. Мужики чуяли недоброе и громко переговаривались между собой, иногда клича Архипа. Вдруг один из них, Влас Рябов, закричал:

– Смотрите чего впереди! Вроде как телега перевернутая!

И правда, совсем близко все увидели перевернутую на бок телегу. Одно колесо у нее было надломлено.

– Это Архипа телега, я помогал ему чинить это колесо, вон мои заклепки на оси, – сказал Митрий, молодой мужик, сосед Архипа.

Лошадь дальше не шла. Стояла как вкопанная с опущенной мордой. Мужики налегли и стали переворачивать телегу, а Митрий вдруг сказал:

– Смотрите, как все тут вокруг перетоптано. Снег-то весь умят, да и след ведет вон, в сторону. Совсем свежий след-то.

– И то правда. Кто-то был тут до нас, мужики, – подтвердил Влас и направился по следу.

След был непонятный и странный, как широкая борозда: не человека следы и не от саней. Все потянулись за Власом. Овраг уже кончился, и они оказались на небольшой поляне. Тут и там росли деревья, а меж ними жесткий колючий кустарник. След вел явно к самым густым зарослям. Все направились туда и вдруг услышали вой, душераздирающий человеческий вопль, сквозь который можно было разобрать и бранную речь, и проклятья, и гневные выкрики.

Мужики подошли вплотную к зарослям и осторожно окружили кустарник. На снегу, лицом вниз лежал Петр и выл. Рядом с ним валялся топор, и было заметно, что часть кустарника свежесрубленная. Вокруг в беспорядке валялись ветки, а под большой березой на краю поляны виднелась внушительная куча из веток, хвороста и снега.

Влас и два дородных мужика с ним подошли к куче, а остальные стали поднимать ревущего Петра.

– Сгубили вы меня, душегубы! Не прошу, никого не прошу, всех прокляну, бедняцкое отродье! Сами не живете и другим не даете! Ну чего уставились, бельма свои повывкатывали! Нате, берите, тащите Петра! Давно вы все на меня зуб имели, дык радуйтесь теперича, говноеды. Да ежели хотите знать, он сам просил его прикончить. Надоела, говорит, мне эта жизнь поганая, какой вы все живете, голодранцы пустобрюхие...

– Эй, мужики, вяжите его, убивец он. Надо к приставу кого-то посылать, – крикнул Влас, и все в ужасе остолбенели.

Два мужика волокли по снегу огромный мешок, который они вытащили из кучи снега и веток. В предвечернем сумраке все наблюдали жуткое зрелище: из мешка торчала окоченевшая, неестественная на вид рука, точнее, ладонь. Она была багрово-синяя и распухшая.

– А-а-а... пустите меня, – снова завопил Петр. – Это не я, это он сам убили. Телега у него перевернулась и подмяла его, – орал Петр во все горло и пытался вырваться.

– Ну да, а лошадь ему кистенем башку пробила. Что ж, верим тебе на слово. Вот только участковому приставу все расскажешь да гуляй себе подобиру-поздорову. Нам-то что, – сказал Влас и туго-натуго затянул веревку, которой все же удалось связать руки у Петра за спиной.

***

Елена обошла свою избу и закрыла все ставни. Она слышала, как голосила Алена, и как кто-то пытался ее успокоить, слышала, как плакали навзрыд ее дети, и жутко скулила собака.

А у нее самой не было сил на слезы, на плач и причитания. Она поняла, что жизнь ее кончилась, а ей ведь только чуть за двадцать.

Елена вернулась в избу и плотно прикрыла дверь, закрыв ее на засов. Потом она взяла кочергу и подсунула ее под сундук.

Расстояние между дном сундука и полом было совсем небольшое, но все же ей удалось кое-что нащупать. Елена орудовала кочергой, и наконец с большим трудом и проволочками ей удалось извлечь из-под сундука холщовый, туго набитый мешок. Елена знала, что это были деньги. Она высыпала их из мешка и в ужасе отпрянула. Они были заляпаны кровью.

Бедная женщина представила себе, как Петр окровавленными руками пытается вытащить их у убитого Архипа и запихать в мешок. Ей стало дурно. Шатающейся походкой она вышла в сени и выпила ледяной воды. Перед глазами плыли круги, в голове шумело. Она вошла обратно и плотно прикрыла за собой дверь. Топилась печь, в избе было жарко и душно.

Елена открыла заслонку и стала швырять в пылающую печь окровавленные деньги. Денег было много, очень много, но она их не считала. Купюры, которые оказались по случайности чистыми, Елена откладывала в сторону, их тоже оказалось немало.

Сожгла она и холщовый мешок. Потом собрала уцелевшие деньги, завернула их в плотную льняную тряпицу и вышла из дому.

Подойдя к Алениной двери, она тихонечко постучала. Та долго не открывала, а потом вышла и уставилась на Елену обезумевшими от горя глазами.

– На вот, возьми. Это твое, – сказала Елена и протянула Алене сверток. – Ты на меня-то зла не держи, Алена. Я ведь такая же несчастная баба, как и ты. И мне теперь тоже горе мыкать не меньше твоего. Прости нас, коли сможешь.

С этими словами Елена повернулась и ушла.

* * *

Петра содержали под стражей до решения суда и вынесения приговора. Он все время давал противоречивые показания. То ссыался на то, что Архип, мол, сам просил его убить, так как надоела ему его постылая жизнь, то утверждал, что убился он по неосторожности, то раскаивался и кричал, что убил он его из-за денег, то опять шел на попятную. Очевидным фактом являлось то, что убит Архип был кистенем, которым в нескольких местах у него была пробита голова. Но сам кистень найти не удавалось, а поскольку Петр отказывался подтвердить, что держал кистень в руках, то дело никак не могли довести до конца, принимая во внимание противоречивые показания самого обвиняемого.

Два раза к Елене приезжали полицейские из управы. Первый раз они вопросы всякие задавали, про кистень спрашивали, про деньги. Пытались вызнать, не знала ли она чего о замыслах Петра. Елена отвечала на вопросы правдиво, говорила все, что знала, но ее ответы вряд ли помогли делу. Она сказала, что деньги, привезенные Петром с последней торговли, она отдала вдове убитого, Алене, когда узнала об убийстве Архипа. Про кистень и про замыслы его преступные она, мол, ничего не знала и никогда слыхом не слыхивала.

Второй раз у нее в избе учинили обыск в присутствии двоих деревенских: учителя Михаила Подворина и бабки Степаниды, которая все время крестилась и просила тихонечко:

«Кабы не нашли бы чего... Господи, отведи от девки беду!»

– Тихо, Степанида! Ты должна молчать и говорить только когда тебя спросят, – осерчал на нее участковый пристав.

После обыска от Елены отстали. Ни найти, ни узнать у нее толком ничего не удалось. Пока Петра держали в окружной тюрьме, с ним разрешали редкие свидания. Мать с отцом ездили к нему и невестку с собой брали.

Ох и горьки они были, эти свидания. Петр сидел за решетчатой стенкой, и Елена с родителями за такой же, только напротив Петра. Говорить приходилось громко. Между решетками был проход, по которому все время вышагивал полицейский, так что вся беседа происходила при нем.

Разговор всегда получался горестный. Мать, не переставая, плакала, Елена все больше молчала, так что говорил только один отец. Да и что тут скажешь! Одно расстройство, да и только. Как-то Петр спросил жену:

– А ты что, Еленька, сидишь, как в рот воды набрала? Помнишь мой наказ? Так вот, как сошлют меня в Сибирь, так ты его и выполни, а до этого ни-ни...

– Цыц! – рявкнул полицейский. – Не смей говорить обиняком! – и он стукнул дубинкой по решетке, за которой сидел Петр, а Елена расплакалась.

После этого случая она не ходила больше на свидания к Петру. Мать с отцом не настаивали, их и было-то раз, два и обчелся.

В это время нечаянно нашелся очень важный свидетель. Им оказался Григорий, молодой подмастерье из кузницы. Он знал наверняка, что Петр смастерил в кузнице кистень. Григорий спросил как-то Петра:

– Чего это ты, дядя Петр, в кузницу зачастил? Чего мастеришь-то?

– Не твоего ума дело, сопляк! – сначала грубо ответил Петр, а потом вроде как улыбнулся и переменял голос: – Ну ладно, не сердчай! Подковы я выправляю. Лошаденка-то моя сколько верст до города и обратно ковыляет да телегу груженую везет. Сбились уж подковы-то у нее.

– Так давай подсоблю тебе. Чего их тут каждый день выправлять-то? Делов-то тут на раз, – сказал Григорий.

– Дык это как делать. Коли на раз, так и подковы будут на раз. А мне надобно, чтоб надолго хватило. Ты иди, давай, Гриша, своими делами занимайся. Не суй нос, куды не просят, – отослал его Петр.

Но Григорий был парень досужий. Не поверил он Петру, и любопытство его взяло, чего же это он мастерит втихаря?

Стал Григорий за Петром подсматривать. Проводил его незаметно от кузницы до избы и увидел, что не в избу он вошел, а в хлев. Григорий к хлеву и в щелку подглядел. Петр вытащил что-то из-за пазухи и зарыл в сено. Потом только пошел в избу. Григорий шмыгнул в хлев и отрыл в сене кистень, завернутый в грубую мешковину.

«Так вот ты какие подковы выправляешь», – подумал Григорий, но решил, что лучше уж ему помалкивать подобру-поздорову, да на рожон не лезть.

И молчал парень до тех пор, пока полицейский в кузницу не пришел и не стал расспрашивать, не замечал ли кто чего подозрительного за Петром. Тут Григорий все и рассказал.

Все отправились в хлев и к великому удивлению нашли там кусок мешковины, который был заброшен в угол. А в сенях у Елены и мешок старый отыскивали, от которого эта тряпка была оторвана.

***

Судили Петра безжалостно. Сочувствующих ему не нашлось. После того, как Григорий рассказал про кистень, и нашлись, пусть косвенные, но все же доказательства, Петру уже не было смысла отпираться. Он сознался во всем. Сознался, что задумал убить Архипа и завладеть его деньгами, когда случай такой представится.

Рассказал он, как в то морозное утро возвращались они с Архипом из города через лес. Архип хорошо наторговал, да еще приятель один ему должок вернул приличный. По пути домой притомились они немного, да и лошадям решили отдых дать.

Спустились в овраг, остановили лошадей на подкорм, Петр пересел к Архипу в телегу. Место тихое, сидят себе на безветрии, отдыхают. Так, по крайней мере, думал несчастный Архип, а у коварного Петра был с собой кистень наготове. Но рука на Архипа никак не поднималась. А тут Архип возьми, да и скажи:

– Эх, надоела такая жизнь! Мотаемся, как хрен знает что туды-сюды. А не торговать, так хоть в петлю башкой. Да и бабы одни брошены, моя вон еще и с детьми. У них тоже жизнь не сахар. Твоя-то Елена не жалеет, что барчука рыжего отпихнула? Жила бы вон барыней в городе.

Петр озверел. Он и так забыть Игната не мог, а тут его еще и попрекают, что он, де, палки в колеса своей же суженой вставил.

– Ты язык-то не распускай хуже бабы. Свою Алену подстилай под кого хошь, а мою не тронь. Не то я... – взъярился Петр.

– Ну чего ты, чего ты?! Может, он всерьез к ней лип, а ты заграбастал девку, а сам и дитя не можешь ей заделать...

Это были роковые слова Архипа, которые и приговорили его к смерти.

Петр со всей силы ударил его железным кулаком. Он метил в висок, но не попал. Удар пришелся куда-то ниже уха. Архип вскинулся, тряхнул головой, шапка у него с головы слетела и упала в снег.

– Ты чего, Петр, обезумел что ли? – только и успел он пробормотать.

Жестоко и немилосердно Петр стал наносить ему удары по голове, куда придется, пока вдруг не остановился и не уставился обезумевшими глазами на сникшего Архипа. Тот повалился в телегу, пару раз дернулся и застыл в неестественной позе. Пахло кровью, а от размоз-

женной головы шел пар. Глаза Архипа были широко открыты, и из одного глаза стекала темно-багровая густая струйка крови. Зрелище было жуткое.

Вдруг дернулась и заржала лошадь, и Петр вздрогнул. Он понял, что натворил и понял, что пути назад нет. Дрожа всем телом, он кое-как привязал лошадь Архипа к осине, которая росла у склона оврага, сел в свою телегу и тронул с места. Отъехав немного, он сообразил, что деньги-то у Архипа он не забрал. С тяжелым сердцем ему пришлось вернуться назад. Первое, что ему бросилось в глаза, это были вороны. Они слетелись, неведомо откуда, и копошились в кровавом сене вокруг головы Архипа. Петра стошнило.

Он залез к Архипу за пазуху и вытащил оттуда сверток с деньгами. Но сделал он это резко и неосторожно. Сверток выпал у Петра из рук, и деньги рассыпались. Он достал холщовый мешок и стал запихивать туда купюры. Часть из них перепачкалась в крови, часть он сам заляпал окровавленными пальцами. Но Петр этого не замечал. Он торопился, ему было нестерпимо жутко находиться вблизи убитого им Архипа, который лежал в телеге, запрокинув голову и таращась в небо остекленевшими мертвыми глазами.

***

Петр был осужден на двадцать пять лет каторжных работ на сибирских рудниках. Отправиться туда ему было предписано по этапу. Единственную благодать, которую получил осужденный перед этапом – это было разрешение попрощаться с родными с глазу на глаз. До отправки в Сибирь родители Петра, несчастные Михайло и Акси́нья, выхлопотали еще одно свидание с сыном в тюрьме, последнее. Елена на это свидание не пошла. У нее не было сил, к тому же ее одолела хворь.

«Как же я жить-то теперь буду?» – думала молодая женщина.

Крупные слезы непрерывно катились из глаз, а в горле стоял жесткий, шершавый ком. Ей казалось, что вся жизнь ее кончена. Детей им бог не дал с Петром, а уж замуж ее теперь вряд ли кто возьмет: пока Петр жив, она его законная жена. И либо на каторгу с ним подавайся, либо тут дождайся. Да только зачем он ей такой, убийца кровожадный. На чужие деньги позарился, о ней не подумал, детей Архипа малых сиротами оставил. Нет, не будет Елена его дожидаться, не стоит он этого.

На последнее свидание в тюрьму она не пошла, но решила сходить проститься с Петром перед отправкой на каторгу и дать ему понять, что не собирается она его ждать. Нечего ей свою молодую жизнь губить, дожидаясь двадцать пять лет убийцу-каторжника. Хоть и муж он ей перед богом, да не суждено им вместе быть.

«Так ты сам порешил свою судьбу, а уж я за свою сама в ответе», – так думала Елена молвить Петру на последнем в их жизни свидании, когда закуют его в кандалы и отправят по этапу в Сибирь.

Последнее свидание родителей с Петром в тюрьме было очень горестным и тоскливым. Акси́нья непрерывно плакала, тихо, бесшумно, но горько и безутешно. Петр был угрюмым и злым на весь белый свет.

– Пошто Елены нету? Не ради нее я что ли в петлю башкой полез? Осчастливить хотел, а теперь чего? Мне в ад отправляться, а ей уж и поговорить со мной нужды нет?

– Да хворая она. Слегла совсем девка. Эх, Петр! Не уберег ты жизнь свою и ей покалечил. Только вот что, знай, коли подвернется ей кто, мы противиться не будем, – сказал отец Петру.

– Да ты чего такое говоришь-то, старый?! А если бы с тобой такое, не приведи господь, тебя б сослали, а я что ж, по-твоему, за другого б побежала? Кого мужем нарекла перед богом, тому и верна должна быть по гроб жизни! Не слушай его, Петруша, никогда моего согласия на то не будет, – заверила сына сквозь слезы сердобольная мать.

– Ты вот что, маманя! Непременно приведи ко мне Еленьку на последнее-то свидание перед отправкой. Не хочу я ее ни с кем делить, да двадцать пять лет срок большой. Вся-

кое может статься. Я-то вернусь, меня никакая каторга не стугбит, а вот когда вернусь, вас-то с отцом уж бог к рукам приберет, а Еленька сбечь может. Хочу я ей клеймо поставить, чтоб не позарился на нее никто, и все помнили штоб, жена она Петьки-каторжника. А вернется он не на пустое место, а к женке своей. Вы уж подсобите мне, приведите Еленьку хоть силой, – очень быстро, проглатывая слова проговорил Петр.

Кулаки его были крепко сжаты, на лбу выступил пот.

– Ты чего еще удумал? – сурово спросил отец.

Петр понял, что от отца ему поддержки не будет и пошел на хитрость. Решил разозлить отца.

– Ты, батя, ежели мою женку будешь сватать кому, то подбери уж ей жениха побогаче. Я вернусь, порешу его, и заживем мы с Еленькой-вдовой на славу на его богатстве, – сказал непутевый сын громко и с бравадой.

– Тьфу ты, пес окаянный, – в сердцах сказал отец, встал и ушел.

А Петру только того и надо было.

– Ну, тихо мне тут! А то враз в кандалы закую! Смотри у меня! – прикрикнул на Петра полицейский.

– Да ладно, на каторгу отправляюсь, так уж и помечтать нельзя, – огрызнулся Петр.

Но полицейский смерил его уничтожающим взглядом и со словами: «Клюнет тебя еще жареный петух!» отошел в сторону.

Петр остался с матерью один на один. Тут он быстро-быстро заговорил полусшепотом:

– Маманя, приведи Еленьку Христа ради, я ей, бедолаге, нос откушу. Так я порешил. И буду я тогда спокойно каторгу свою отбывать, и на нее никто не позарится. Да и вам спокойней, с отцом не браниться.

Несчастливая мать только махнула рукой, поднялась с трудом, посмотрела на сына и, не слова не говоря, ушла.

Она рассказала Михайло, что удумал Петр.

– Я этому стервецу сам нос откушу! Как его язык поганый повернулся сказать такое, – совсем рассерчал отец.

– Ладно, Михайло, не заводись. Не будем Елену на эти проводы брать с собой от греха подальше. Только знай наперед, как жили одним двором, так и жить будем, пока мы живы. А попрем мы, там уж Елене самой решать, – примирительно сказала Аксинья.

Елена и Матвей

Прошло долгих четыре года с того времени, как Петра угнали в Сибирь. Перед его отправкой Елена все же хотела исполнить свой супружеский долг и сходить попрощаться с мужем перед этапом. Но родители Петра стали неожиданно отговаривать ее и просить:

– Не ходи ты туда, Елена! Дома побудь. Мы сами скажем ему все, что надобно.

Очень удивилась она тогда их словам, но послушаться не посмела. Уже позже, перед самой своей смертью, Акси́нья рассказала Елене, что хотел учудить Петр, и бедная женщина поняла, что спасли ее старики от тяжелого испытания.

Так и остались у них две избы в одном дворе. Обе небольшие, но места всегда всем хватало, а сейчас их двор опустел. В одной избе жила Елена, совсем одинокая потерянная женщина, в другой – Михайло, ее свекор, который после потери сына и похорон Акси́ньи совсем сдал. Родители Елены, престарелые Арина и Фокей, звали дочь жить к себе, но она не оставила свекра одного. Стар он стал и дюже немощен, в уходе нуждался.

Так и тянулись бесконечно ее серые однообразные дни. Возраст к двадцати пяти подходил. Красоты своей природной Елена еще не утратила, только поблекла как-то, осунулась, ссутулилась. Старая Арина жалела дочь. Бывало, прикупит ситцу, да платье или юбку ей новую сошьет, принесет в подарок, но той бедняжке все не в радость.

– Куда они мне, наряды-то? На што? Уж отнаряжалась я, мама, – говорила Елена с грустью.

– Ты не губи себя, дочка, пошто зря. Акси́нья померла, царство ей небесное, а Михайло и слова не скажет, ежели замуж выйдешь. Чай не оставишь его совсем, а ему только больше помощи от мужика-то будет, – напутствовала ее мать.

– Да за кого ж я замуж пойду? Один Гришка-кузнец у нас и не женат в деревне, да и знают все, что замужем я. За каторжным, – невесело отвечала ей Елена.

Однажды августовским вечером Арина опять наведлась к дочери да спросила:

– Еленька, ты знаешь дядьку Прокопа, что у реки себе избу срубил?

– Да кто ж его не знает. А что? – в свою очередь переспросила Елена.

– А интересовался он тобой, вот что! Сын у него, Матвей, уж лет десять тому, как в город подался, в ремесленники. Потом на барже до Астрахани добрался, там и живет теперича, у кожевного промышленника Севастьянова работает, кожи выделывает. А вот бобылем живет, не женится никак, – рассказала Арина.

– Ну и что? Знать, с лица не пригож или пьяница горький, раз не женится никак, – ответила Елена безо всякого интереса.

– Пить не пьет, это я наверное знаю, а вот с лица не скажу, не помню я его. Мальчишкой он тогда совсем в город-то ушел, годков четырнадцать-пятнадцать ему было. А вот Прокоп его позвал нынче картошку ему помочь копать. Обещался приехать Матвей-то, а Прокоп меня про тебя и спрашивал. Дочка, говорит, у тебя, Арина, славная. Чего, мол, зазря пропадает, давай с Матвеем их сведем. Глядишь, говорит, и приглянутся друг другу.

Арина помолчала немного и, видя, что дочь не проявляет к ее словам никакого интереса, все же продолжила:

– А я что, я согласная была. И отец говорит, пускай, де, встренутся. Так что вот приедет он скоро, ты и подготовься, дочка.

– А чего мне готовиться? Мама, вот ты всегда так! Меня не спрося, уже и смотрины, а я не хочу никого видеть! Не хочу! – сказала Елена и заплакала, слезы сами полились из глаз рекой.

– Да ты чего, дочка, господь с тобой! Не хочешь видеть никого, ну и ладно, твое дело. Только я тебе наперед так скажу – тяжело бабе одной, ох как тяжело! Тебе вон уж, двадцать пять годков подходит. Петра своего ждать нечего, – Арина запнулась, посмотрела на дочь.

Елена вытерла глаза, перекрестилась и сказала:

– А я и не жду. Ладно, и правда, чего реветь. Только не возьмет он меня в жены, Матвей-то. Замужняя я. А как отпустят Петра раньше срока, нагрянет он сюда... И по что этому Матвею такая жизнь, сиди и жди беды.

– Еленька, да ты не знаешь, что сгиб твой Петр. Нету его, вот и весь сказ, – вдруг решилась-таки сказать Арина.

– Как это сгиб? Куда сгиб? Ты-то, маманя, почему знаешь? – испуганно, но в то же время с недоверием спросила Елена.

Мать взяла дочь за руку и усадила рядом с собой на скамью. Потом погладила слегка ее ладонь и спросила:

– Знаешь, на дальнем хуторе Иван живет, Макаров сын? Ну высокий такой, худой, жена у него на сносях?

– Знаю, видала как-то его. На старую барскую усадьбу он навещался зачем-то, – ответила Елена, все еще не понимая, к чему разговор клонится.

Арина почувствовала дочерний интерес и вдохновенно продолжила:

– Так вот, этот Иван писарем работает при окружной полицейской канцелярии. Его и дома-то никогда не бывает. Ни отцу не помощник, ни жене не подмога. Ей-то, говорят, еще и семнадцати годов нету, из Мещеряковых она, ну да я не о ней. Так вот, наш-то отец просил Ивана привезти ему из округа веревку новую, у нас уж все поистерлись, какие были. Тот привез, да и пришел к нам отдать. Это было аккурат после Пасхи. Пришел Иван и говорит, что списки им по почте пришли каторжных, которые из нашего округа. В списках фамилии, кто еще на каторге, сколько лет отбывать осталось, кто помер, кто сбег. И говорит Иван, что против твоего Петра – пустое место.

Елена с недоумением посмотрела на мать, но не решилась что-либо спросить. Та уловила взгляд и поспешила продолжить:

– Когда Иван там у себя в канцелярии все это по книжкам ихним расписывал, то и спросил, а что, мол, про Петра-то Игумнова написать. А начальник ихний так и сказал, что напиши, мол, сгинул.

– Как это? – переспросила Елена.

– Ну пропал значится где-то, в лесу потерялся или утоп. Никто не знает, как это. Только не числится он у них больше и в беглых не значится, – поведала Арина Елене невеселую историю.

– А чего же ты мне досель ничего не говорила? И я все ж-таки жена. Почему они из окружной мне ничего не сказали?

– А потому, что ты не спрашиваешь у них никогда об муже своем, запросы всякие не делаешь. Вот они и порешили, небось, что ты не шибко и знать хочешь. А я не говорила тебе, чтобы тебе душу не травить понапрасну. А нынче вот сказала. Не хочу, чтобы ты, кровинка моя, убивалась по Петру окаянному и незнамо чего выжидала. Жизнь твоя проходит зазря, детей надо рожать. Ишо год-другой, и поздно будет.

Елена совсем растерялась. Нет, ей не жаль было пропавшего неизвестно куда Петра. Наоборот, она даже облегчение какое-то почувствовала на душе.

«Только лучше бы уж все-таки знать наверняка, жив ли, нет ли», – только и подумала Елена.

***

После этого известия, неожиданно для себя Елена стала задумываться о Матвее. Каков он, этот Матвей, хорош ли собой, не драчлив ли? Да и она, Елена, придется ли ему по душе?

Как-то вечером открыла она сундук и вытащила оттуда старое тусклое зеркало в деревянной резной оправе и с длинной ручкой. Барыня Татьяна Федоровна маме подарила давным-давно. Она потерла зеркало подолом своей юбки, села поближе к окну и посмотрела на себя.

«Господи праведный! На кого же я похожа!» – с ужасом подумала Елена.

Взгляд суровый, недобрый. Глаза бесцветные. Рот опущен, и жесткие складки пролегли вокруг рта. Губы сухие, тонкие. На лоб надвинут платок, так, что волос совсем не видно. Таковой увидела себя молодая женщина, и горячие слезы побежали по ее щекам.

Недолго думая, Елена достала из печи крынку с теплым молоком, смочила в нем мягкую тряпицу и протерла лицо. Кожа заблестела, ожила. Губы порозовели. Она разгладила свой лоб и брови, сняла с головы платок и распустила волосы. Они были все так же прекрасны – густые, каштановые, тяжелые. Своим старым гребнем Елена попыталась их расчесать и уплести в косу.

Потом она снова открыла сундук и с интересом перебрала свои наряды. Их было немного, но кое-что она даже ни разу не надевала. Заботливая мать сшила ей ситцевое платье в цветочек, пару сатиновых юбок с оборками и белую нарядную кофту со стоячим воротничком и маленькими голубыми пуговками.

«Ну что ж, это как раз то, что надо», – подумала Елена.

Сняв с себя старое некрасивое платье, она надела одну из новых юбок цвета переспелой вишни и белую нарядную кофточку. И тут она вспомнила про сафьяновые ботиночки. Ах, как она их любила когда-то! Петр привез их Елене из города, когда только начал торговать. Порывшись глубоко в сундуке, она нашла их, смазала растопленным салом и, растерев до блеска старой суконкой, надела.

И тут вдруг женщина снова почувствовала себя молодой и красивой. Она закружилась по избе и выбежала во двор. Потом прошлась вдоль улицы, медленно, красиво, коса через плечо.

«Ах, как хорошо...» – подумала Елена и вернулась к себе.

Во дворе она увидела старого Михайло. Тот сидел на завалинке и, прищурившись, смотрел на нее, не узнавал. Елена звонко засмеялась и подошла поближе.

– Еленька, ты что ли? Ты куды это так нарядилась? – спросил свекор, часто моргая слезящимися глазами.

– Вот и хорошо, папаня, что не признали меня. Значит, переменялась я шибко. Ну, пойдем в дом, чего тут сидеть, свечерело уже. Елена помогла Михайло подняться и увела его в избу.

С этого дня Елену было не узнать. Она воспряла духом, расцвела, похорошела. А тут и осень подошла, начало уборочный поры. Матвей приехал к отцу, как и обещал.

***

Елена не искала встречи с Матвеем, хотя знала о его приезде. Она полагалась на судьбу и считала так: если суждено – встретятся, ну а нет, так тому и быть. А коли он сам захочет, то пусть сам и старается повстречаться. Где, как – это уж его забота.

Не из бабьих гордости, да не со злым умыслом думала так Елена. Ей просто хотелось быть женщиной, и женщиной желанной. Ей не хотелось нарочитого знакомства, смотрин и сводничества.

Все получилось само собой. Елена была в поле. Стоял прохладный, пасмурный сентябрьский вечер, и слегка капал дождь. Пора было идти домой, но работы было еще много: сено переворошить, стога подровнять. Бабы уж ушли, а Елена еще прибиралась вокруг, когда услышала стук копыт. Кто-то скакал на лошади в направлении их деревни. До дороги было далеко-далеко, Елена не стала и присматриваться, все равно не увидит, кто там скачет.

Но поравнявшись с ней, всадник вдруг остановился, спешился и стал что-то кричать Елене. Она не могла понять слов, далековато, да и ветер не в ту сторону. Решив, что все равно пора домой, она перекинула грабли через плечо и пошла через поле в сторону дороги.

– Здравствуй, девица. Не слышно было тебе, что я кричал, поди? – спросил незнакомый ей мужчина.

– Не слышно. Ветер-то не в ту сторону дует. А чего кричал-то? – спросила Елена, с интересом глядя на высокого широкоплечего молодца.

– Я хотел тебе сказать, что грозовая туча надвигается. Пока она там, за лесом, но, не ровен час, и тут уж будет. А ты в поле одна. Чего замешкалась-то? – спросил незнакомец заботливо, как ей показалось.

– Работы много, а про грозу не знала. Да и какая гроза в сентябре? Так, дождь сильный. Ну а за заботу спасибо, – ответила Елена и пошла в сторону деревни.

– Ты в деревню идешь? И я туда же. Давай, грабли понесу, – предложил он Елене.

Они шли пешком. Мужчина нес грабли и вел лошадь под уздцы. Всю дорогу они разговаривали. О чем? Елена толком бы и не объяснила. Обо всем: о жизни, о деревне, о людях, о работе.

Потом он сказал ей, что приехал к отцу и хочет пробыть с ним зиму, двор поправить, крышу починить надо к зиме. Изба хоть и новая, а крыша неважная, протекает местами.

– А как зовут-то тебя? Я – Матвей Суслов, Прокопа Суслова сын, стало быть. А ты чья? – спросил он Елену.

У нее и сердце зашлось. Все-таки судьба, значит. Встретились.

– Да Елена я, Фокея Митрофанова дочь. Слыхал, небось, – стесняясь ответила Еленька и покраснела.

«Знает он, поди, про мужа моего – убийцу и каторжника», – подумала бедная женщина и ей стало невыносимо стыдно и грустно.

– Ну и лады. Познакомились, а то проговорили всю дорогу, а имен друг друга не знаем. Ну ладно, красавица. Нам теперь в разные стороны. Увидимся еще. Ну, бывай!

Он отдал ей грабли, сел на лошадь и усакал. Елена долго стояла на обочине и смотрела ему вслед.

– Чего это ты тут стоишь, призадумалась? – услышала она голос и обернулась.

Красиво подбоченясь, укутанная цветастой шалью рядом с ней стояла Сашка, рослая девица отменной красоты. Ее отец, Платон Емелин, имел хлебопекарню, и жили они на краю деревни в огромном доме за высоким забором.

Сашке было лет восемнадцать. Когда она росла и была еще сопливой девчушкой, никто на нее и не взглянул бы. Долговязая, нескладная, с мокрым носом и разбитыми коленками, Сашка всегда вызывала жалость. Каждый старался погладить ее по голове, сказать словечко ласковое. Уж больно невзрачная девчушка росла. И вдруг – откуда что взялось. К шестнадцати годам она превратилась в девушку, а к восемнадцати красиво оформилась, налилась, как спелый фрукт, и все диву давались, до чего хороша стала дочка у Емелиных!

Сейчас она стояла перед Еленой и взидала на нее с вызовом своими карими лучистыми глазами.

– А, это ты, Александра. Никак на прогулку собралась? А ведь дождь вот-вот пойдет. Куда это ты в такую погоду так вырядилась? – спросила ее Елена.

– Да вот, ухажера своего пропустила. Хотел он со мной на пекарню к отцу съездить, хлебушка свежего привезти. Да опоздала я маленько. Он уж и мимо проскакал, – сказала Сашка, с ехидцей глянув на Елену.

– Это Матвей-то твой ухажер? Ну хотел бы шибко, так мимо бы не проехал, подождал бы. А теперь уж не догонишь, девка, хоть бегом беги, – сказала ей Елена и пошла прочь.

А в словах своих она двойной смысл имела: «Мой будет Матвей!» – твердо решила про себя Елена.

Давно готовая к любви, истосковавшаяся в одиночестве молодая женщина была полна решимости. Она встретила человека, от которого исходило столько тепла, доброты и заботы, что она влюбилась в него без памяти с первой же встречи и поняла, что этого сильного плеча, этих улыбочивых глаз и крепких рук ей так не достает! И как бы там не увивалась за ним красивая Сашка, Елена решила добиться своего. А что, она не хуже, всегда своей красотой славилась. Ну, может, не такая холеная и не такая молодая, ну так что?

У Сашки свой интерес, у Елены – свой. И будет она добиваться своего счастья, если, конечно, между ней и Матвеем не порвется та серебряная ниточка симпатии, которая связала их сегодня во время неожиданной встречи.

***

Наступила поздняя осень. В поле почти уже нечего было делать, разве что последнюю капусту подсорвать, которую стал прихватывать легкий морозец по ночам.

Свекор у Елены захворал, с постели не вставал, душил его кашель. Елена поила его теплым молоком с медом, клала горячий песок в мешочке на грудь и спину растирала гусиным салом.

Однажды вечером мать с отцом пришли, кума проведать да на дочь поглядеть. Фокей с Михайло стали о своих болячках говорить, а Арина увела дочь в ее избенку и сказала:

– Еленька, я вот тебе телогреечку новую к зиме пошила. Ты знаешь, что Сусловы-то, Прокоп с Матвеем, посиделки у себя хотят устроить, молодежь собрать. Вот и тебя просили позвать. Ты нарядись, дочка, да и сходи. Чай, не убудет с тебя.

– А чего я пойду-то? Если ты опять про Матвея, так невеста у него есть, поди, Александра Емелина, и я ему без надобности, – грубовато ответила Елена.

– А ты почему знаешь, что невеста? А была бы ты без надобности, так не просили бы, небось, тебя на посиделки прийти, – настаивала Арина.

– Нет, не пойду я. Свекор хворает, не до посиделок мне. Переросла я уж эти забавы. А Александра, говорят, сватов поджидает. Слышала я, как бабы судачили.

– А я ее наемдни всю в слезах видела, бежала она, дороги не разбирая, и плакала горячими слезами. А потом Настасья-молочница мне и сказала, что убивается, мол, Сашка за Матвеем, а он ей от ворот поворот дал. Не его поля ягода, уж больно спесива девка, да себе на уме. А Матвей хоть и ищет себе жену, да покладистую, ласковую. А хомут-то на шею, хоть и самый раскрасивый, кому ж охота надевать?

Елена вздохнула невесело и сказала:

– Ладно, матушка, посмотрим. Нужна я им буду на этих посиделках, чай знают, где меня найти. А сама я не пойду.

На том и разошлись мать с дочерью, одна с тоской и печалью в сердце, другая – с печалью и надеждой в душе.

Елена не могла забыть Матвея после первой их встречи. Да только больше они и не встречались ни разу. А тут прослышала она, что Сашку с ним не раз видели, то у реки гуляли они, то по деревне вечером. И подумала бедная Еленька, что нету ей счастья и не судьба ей, видать. Да только сердце женское тосковало. Люб он был ей, даже плакала она по ночам. А теперь вот опять надежда затеплилась.

Мать не будет просто так напраслину возводить. Значит и правда, звали они Елену, раз она говорит. А про себя думала, что мог бы все-таки Матвей найти случай свидеться с ней, коли охота была бы. А того понять не могла, что не смел он к ее свекру во двор явиться и его невестку обхаживать. А на людях Елена теперь редко бывала, за больным свекром ходила, да по хозяйству целыми днями хлопотала.

А Александра даром времени не теряла. Как приметит где Матвея, так туда ее ноги и несут.

– Отчего не прогуляешься со мной никогда, сокол ясный? – ворковала она ему при встрече.

– Ну что ж, пошли, прогуляемся, коли охота есть, – отвечал Матвей.

Так они пару раз прошлись по деревне, а сплетни уж не заставили себя долго ждать. Женихом и невестой их сразу в деревне нарекли. Как узнал Матвей об этом, так и стал оберегаться этих встреч. Не лежала у него душа к Александре. Красивая девица, да пустая какая-то, холодная, надменная. Как статуя каменная. Елена ему была по душе, да жизнь вела затворническую. Как ни пытался Матвей увидеться с ней, никак у него не выходило. А первая их встреча все не шла у него из головы. Бывает же так, встретишь человека однажды, и забыть не можешь.

Матвей был молод и крепок. Мальчишкой совсем в город подался, хотел ремеслу какому подучиться. Смышленный был парнишка, усидчивый, целеустремленный. Учился сапожному делу поначалу, да познакомился с кожевниками, которые собирались до Астрахани на барже по Волге спуститься. Там кожевенный заводик запускать, рабочие руки были нужны. Они и взяли с собой Матвея, здорового пятнадцатилетнего парня, которого Севастьянов принял на завод чернорабочим. А через год за смекалку да проворную работу и подмастерьем сделал.

За прошедшие десять лет Матвей сильно в кожевном производстве поднаторел и сейчас уж один из самых главных в цеху, только завод остановили на зиму. Все рабочие помещения в негодность пришли: полы сгнили, стены потрескались, крыша прогнулась, того и гляди рухнет. Надо делать основательный ремонт. Вот и разогнал хозяин рабочих по домам до следующей весны. Матвей и подался к отцу, подсобить ему надобно.

– Отчего ж все один-то ты, Матвей, чего не женишься никак? Уж третий десяток, а ты все один-одинешенек, – сказал ему отец.

– Да я, батя, и женился бы, да невесту найти подходящую не могу. Была у меня в городе зазноба, так она отца послушаться не посмела. Выдал он ее замуж за купеческого сына, а я остался один. Да так больше и не встретил никого, – чистосердечно ответил Матвей.

Молодой мужчина был прямодушным и искренним. Да и внешне бог не обидел: высокий, статный. Лицо красивое, с окладистой бородой, и глаза добрые. Недаром Александра покой потеряла. Ей-то при ее красоте да гонористом характере в деревне жениха было не сыскать. А как Матвей приехал, так она сразу же и решила, что это ей счастье привалило.

Хотелось ей за Матвея замуж выйти, чтобы увез он ее отсюда, подальше от постылой деревенской жизни. Он и собой красив, и при заработках. Чего бы ей не замечаться? Только чувствовала красавица, что не вышло у нее с первого раза-то в душу Матвею запасть. И не чурался ее вроде, да и встреч не искал. Если сама ему на глаза не попадется, так он и не вспомнит о ней.

Решила тогда влюбленная Александра сама почаще с Матвеем встречаться. Люди-то падкие на сплетни, раз-два их вместе увидят, и понесут по округе, что-де любят-милуются, гуляют вместе. Тогда трудно будет Матвею отречься от нее. А она-то уж постарается его красой своею ненаглядной с ума свести. Все продумала девушка основательно, и план ее сработал. Только сплетни сплетнями, а души между ними нет. Чувствовала она, что не сохнет Матвей по ней. И решила тогда Саша на крайнюю меру.

Повстречала она как-то Матвея у реки, подошла, поздоровалась. Он кивнул в ответ.

– Матвеюшка, не хочешь ли ты меня на чашку чая позвать? А то я твоему батюшке должна сказать кое-что, отец просил передать, – спросила Александра лилейным голоском, подойдя к нему почти вплотную.

– Так ты скажи мне, я и передам, – ответил Матвей хмуро.

– Ну нет! Это не наше с тобой дело. Я сама передам! Пошли-ка! – уверенно ответила девица и направилась в сторону дома Сусловых.

– Ну ты иди, а я потом приду, – крикнул ей вдогонку Матвей.

Александра вдруг обернулась резко, подошла к нему опять и сказала возмущенно:

– Да ты что это, Матвей, смеешься надо мной что ли? Чтобы я, девица, одна в твой дом пошла?! Я с тобой хочу туда пойти, с тобой!

Затем она отступила на шаг и быстро оглянулась вокруг. Матвей и слова сказать не успел, как она сбросила с себя шаль и блузку. Шелковая сорочка сама соскользнула с плеч, и его взору предстала вся прелесть молодого девичьего тела. Она стояла перед Матвеем с обнаженной грудью и горячо шептала ему:

– На, возьми меня здесь, если дома боишься. Ну, смелей, целуй, люби! Чего уставился? Твоя я, вся твоя, – и она вдруг расхохоталась, а из глаз ее покатались крупные горячие слезы.

– Да ты что, Саша, Господь с тобой, – сказал растерявшийся вконец Матвей.

Он поднял с земли шаль и стал укутывать девушку. Она схватила его ладони и начала их неистово целовать.

– Люблю тебя, Матвеюшка. Жизни без тебя нет. Всю жизнь ублажать буду, любить! Возьми меня в жены, слышишь, не губи, не бросай, помру я здесь с тоски, – Александра сама не своя умоляла Матвея сквозь слезы.

– Саша, я не могу. Я и не думал, что ты все так близко к сердцу... Ты иди, успокойся... Ты не серчай, Саша, но не пара мы, – говорил ей Матвей невпопад.

Он был растерян, сломлен и совершенно не знал, что сказать и как себя вести. Тут Александра тяжело вздохнула и сказала ровным бесцветным голосом:

– Ладно. Но знай, я буду ждать тебя, Матвей. Мне теперь все одно, без тебя свет не мил. Да и ты теперь красоту мою девичью непорочную в сердце своем носить будешь, да помни, что краса эта тебе принадлежит. Вернешься ты за мной, рано или поздно – вернешься. Только смотри, не опоздай.

– Нет, Сашенька. Твоя красота тебе одной и принадлежит. Ты не губи ее понапрасну.

– Ну а это уж не твоя печаль-забота.

С этими словами она повернулась и пошла прочь. Горячие слезы обиды и разочарования душили ее. Она бежала по деревне и плакала навзрыд. Придя домой, упала на кровать и забылась тяжелым беспокойным сном.

Наутро мать спросила ее, что стряслось и не заболела ли, на что Саша ответила:

– Матвей меня отвергнул, всю как есть отвергнул. А он один мне и мил был.

Сказав это, она отвернулась от матери, уткнулась в подушку и снова зарыдала.

***

Матвей очень тяжело пережил эту сцену. Он еще помнил свое последнее прощание с Катей, когда они оба поняли, что не судьба им быть вместе. Ее отец настоял, чтобы она вышла замуж за совсем не любимого ею купеческого сына. Ослушаться она не посмела, а в день перед свадьбой пришла тайком к Матвею попрощаться. Как плакала она и как просила не забывать ее!

Матвей долго мучился, расставшись с Катей. Было больно, тяжело и грустно. Но потом душевная рана затянулась, сердце успокоилось, и только обида одиночества давала о себе знать. Он тосковал по женскому теплу, ласке и любви.

Молодой, сильный и красивый Матвей был рад поехать к отцу и изменить на время свою одинокую, однообразную жизнь, да отвлечься от тоскливых мыслей. И тут повстречал Елену. Их первая встреча пронзила его, как стрелой.

Едя мимо поля в тот вечер, он увидел вдалеке молодую женщину, которая чем-то напоминала Катю: такая же стройная, высокая, с длинной косой. Матвей даже вздрогнул от неожиданности. Тогда он остановился и окликнул девушку. Он просто не мог проехать мимо. Конечно, он знал, что это не Катя, но ему так хотелось ошибиться.

Когда Елена подошла, он удивился ее глазам. Нет, на Катю она была совсем не похожа вблизи, но вот глаза, точнее взгляд был Катин. Такой же мягкий, доверчивый и ласковый. Матвей почувствовал холодок, пробежавший по спине. Приятное ощущение душевной радости, что-то из прошлого, что-то родное и знакомое.

Он заговорил с девушкой и понял, что его неодолимо тянет к ней. Весь путь до деревни они проговорили. Он смотрел на ее профиль, на красивую высокую грудь, на длинную шелковистую косу, перекинутую через плечо, и ему хотелось ее обнять. Когда они расстались, он и не думал, что ему будет так трудно встретиться с ней вновь.

«Елена...» – думал он про себя, – «Елена... какое прекрасное имя. Стоп! Так ведь отец мне говорил про Елену. Познакомиться, мол, надо, женщина молодая, работающая... Не она ли? Ну да, она! Ах ты, боже мой, так это у нее, несчастной, муж-убийца на каторге отбывает», – догадался Матвей, и ему стало нестерпимо жаль ее.

Матвей все время думал о ней, хотел встретиться, поговорить, взять ее руки в свои и заглянуть в ее прекрасные глаза. Но Елена не встречалась ему нигде. От отца он узнал, что живет она со свекром, ухаживает за ним, ведет хозяйство. Так что идти к ней в дом никак нельзя. Он ждал встречи, случайной встречи. Ходил по деревне, на луг, к реке, но Елена ему не попадалась. Только Сашенька-красавица всегда тут как тут.

«И почему она так лукаво смотрит на меня?» – думал поначалу Матвей. – «По нраву ей что ли? Так ведь девчонка совсем. Хотя восемнадцать лет... какая уж девчонка? Невестин возраст. Да я-то тут при чем?» – размышлял Матвей, но никогда серьезно о Саше не думал.

Ее девичья красота не трогала его одинокого сердца. Не того душа просила и ждала: и красоты другой, и разговоров иных, и взглядов робких и нежных, а не лукавых и влекущих. Нет, Саша была не для него, да он и повода ей не давал думать по-другому.

Но, однако отец спросил Матвея:

– Чего это ты не весел да хмур все?

– Да я, батя, не хмур. С чего ты взял? – удивленно ответил Матвей.

– А с того, что за Сашкой Емелиной ты, говорят, приударил. Правда, аль нет?

– Нет, не правда. Ты сплетни бабские не слушай. Говорил я с ней, может, когда, а бабы видали. А им что, сразу и «приударил». Нет, отец. Я вот к Елене присмотрелся. Она мне по душе. Ты правильно рассудил, когда совет свой давал. Да, видать, нелегко мне к ней тропку протоптать. Она домоседка, да у свекра живет, как ты и сказал. Как я с ней повстречаться да поговорить могу?

– Посиделки давай устроим. Как мы с твоей матерью покойной познакомились? На посиделках. Позовем молодежь, Елену, и поговоришь. А где видал-то ее?

– Мы с поля вместе шли. Я из лесу скакал на лошади мимо поля, а она одна там сено подгребала, а дождь надвигался, тучи, ветер. Я и зазвал ее домой идти. Вот и познакомились. Ладная она: и разговором умна, и лицом пригожа. Только вот не ждет ли муженька-то своего с каторги? Как мыслишь?

– Не ждет. Да и нечего его ждать. Пропал он, сгинул куда-то. Я с Ариной говорил, мать Елены. Она знает, что сгиб он. Только ты, Матвей, будь мужиком серьезным. Деревня – не город, тут все у всех на виду. Как с Еленой будешь ладить, ежели она тоже думает, небось, что ты Сашки Емелиной ухажер? Она, Сашка-то, сватов ждет не дождется. Вот ведь как народ гутарит.

– На чужой роток не накинешь платок. А ежели я ей два раза «здрассте» сказал, да по берегу прошелся, так что ж теперь, свататься обязан?

– Ну как знаешь. Только пока серьезную зазнобу не заведешь, так и будут сплетни всякие по деревне ходить. А Елена – баба серьезная. Она не захочет с таким заводиться, который побалагурил с одной, да к другой подался. Вот тебе мой сказ.

А на другой же день после этого разговора Саша и встретила Матвея на реке и ногой своею хотела его одурманить и заполучить навсегда.

***

Матвей не стал устраивать посиделки. Он как будто знал характер Елены, чувствовал, что не придет она. Да и без Александры не обойдется. Ему не хотелось объясняться с ней лишний раз. Да попросту не хотелось никого видеть, кроме Елены.

Как-то поутру Матвей вдруг предпринял решительный шаг. Он начистил до блеска свои сапоги, надел новую косоворотку, брюки, купленные в городе в торговой палате и свой лучший кафтан.

– Ты как купец на ярмарку нарядился. Куда это ты? – спросил его Прокоп.

– Я к Елениным родителям, отец. Хочу пойти, объясниться. Мужик я, в конце концов, не мальчик – ждать, откуда ветер подует. Сам должен свои дела сердечные решать. Люблю я ее, всем сердцем люблю! Вот и хочу ее отцу с матерью душу открыть. А там уж ей решать, – откровенно сказал Матвей.

– Так уж и «люблю». Видал единожды, и уж «люблю». Ну да баба она славная. Я б себе другую невестку и не хотел бы. Ежели чего, я с Михайло-то поговорю. Коли ты серьезно, так, думаю, он в обиде не будет.

Матвей вышел на улицу. Дул холодный ветер и швырял в лицо колкий снег. Вот и зима наступает, а там уж и в город пора будет собираться. Ему было велено назад воротиться к весне. Завод будут готовить к работе, а как подготовят, так и запускать станут. Машину для растяжки кож Севастьянов собирался покупать, а его, Матвея, обучить работать на ней обещал.

Все складывалось хорошо в его жизни, только дела сердечные не давали покоя. Семья ему нужна, жена, дети. Не хотелось больше одному прозябать. А тут Елена встретила ему, понравилась, полюбила. И решил Матвей не упускать счастья своего.

Так шел он к Елениным родителям и размышлял, что он скажет и как объяснится. И вдруг знакомый голос окликнул его:

– Здравствуй, Матвей.

Он и не заметил, как Елена нагнала его сзади, и эта встреча была для него совершенно неожиданной. Матвей остановился, повернулся к ней и счастливо заулыбался.

– Здравствуй, Елена. Ну вот и свиделись. Как ты живешь? – спросил Матвей участливо.

– А ты? – спросила Елена в ответ.

– Не знаю, что и сказать, право. Так-то бы все ничего, да тоска одолела. Сколько же я тебя не видал-то? В одной деревне живем, а встретиться никак не доведется, а?

– Да, не всем удача выпадает. А ты куда идешь-то, Матвей?

– А ты?

– Так домой, к своим. Вот проведать решила, а то похолодало, может, помочь чего надобно.

– И я к твоим.

– Зачем это?!

– Истосковался я, Елена. Хочешь верь мне, хочешь нет, да только всюду тебя искал, высматривал, ждал, но так и не встретил ни разу после той нашей первой встречи. А забыть никак не могу. Вот, решил поговорить с твоими, а тут и тебя повстречал.

Елена не верила своим ушам. Она стояла перед Матвеем высокая, красивая, в новом овчинном полушубке цвета топленого молока и нарядном цветастом полушалке. Щеки залил румянец, глаза блестели, а на губах играла улыбка.

– Ну пошли тогда, – сказала Елена просто и зашагала вперед.

Матвей за ней. Взял ее за руку и спросил:

– Я все время думал, Елена, захочешь ли ты поговорить со мной по-серьезному? Мне вот по весне назад в город надобно ехать, а без тебя ни к чему душа не лежит.

Тут Матвей остановился, повернулся к Елене лицом, обнял ее за плечи и сказал:

– Поедем со мной, а?

Она смотрела на него широко открытыми глазами и молчала. А он ждал, хотел понять, что у нее на душе, думает ли она о нем, но ответа не было. И только было Матвей хотел еще что-то сказать, как звонкий и надменный окрик прервал его на полуслове:

– Так вот кто, оказывается, мне дорожку перешел! Хороша тихоня, нечего сказать!

Александра стояла неподалеку, руки в боки, лицо гневное, а рядом с ней Григорий, кузнец, который свидетелем был, что Петр в кузнице кистень мастерил. Они гуляли по деревне и вдруг встретили Елену с Матвеем. Нет бы пройти мимо, да и делу конец. Но не такая была Александра, настырная, своенравная, задиристая.

Григорий попытался придержать ее, но она вырвала руку и подошла к Елене и Матвею.

– Ну здравствуй, Матвеюшка. А я-то смотрю, куда это ты запропастился и глаз не кажешь. Значит, не мила я тебе больше. Ты нас тут в деревне всех девок да баб в очередь что ли выстроил? Ну как опять до меня очередь дойдет, так скажи. Мы с Гришей подождем покуда.

Но тут вдруг Елена прижалась к Матвею, приклонила ему голову на грудь и сказала:

– Долго вам с Гришей ждать придется, то ли ему на радость, то ли тебе на беду. Мы вот пожениться решили с Матвеем.

Матвей обнял Елену и крепко прижал к себе. Александра опешила. Ее красивое лицо исказила кривая, неестественная усмешка, и она проскрипела сквозь зубы:

– Ну ты еще пожалеешь не раз, что на каторгу в Сибирь со своим разлюбезным Петрушей не подалась...

– Саша, придержи язык. Зачем стараешься казаться хуже, чем ты есть? Так и не подействовали на тебя мои разговоры, а жаль! – в сердцах сказал ей Матвей.

Но Александра не отступала:

– Ты Матвей Прокопич, мне морали-то не читай, как девочке. Небось, когда любовь пытался закрутить со мной, не думал, что я несмышленная. Да только не вышло ничего у тебя, вот и ухватился, за что попроще. Ну да лежалый товар тебе больше к лицу.

– Так он потому и лежалый, что цены высокой. А тот, что грош за погляд, всегда по рукам ходить будет, – отпарировал ей Матвей.

– Ну ты-то и гроша за погляд не дал. А посмотреть-то было на что. Ну, не лукавь, скажи!

– Саша, пошли, – сказал ей подошедший Григорий, взяв за локоть.

– Нет, подожди. С тобой мы еще успеем наговориться, – сказала Александра и опять вырвала свою руку.

Она была разгневана и резка. Ей хотелось скандала, обидных слов. Ей хотелось сокрушить чужое счастье в угоду своей прихоти. Она была неумолима. Но ее гнев разбивался, как бушующая волна о каменную преграду. Она видела жалостливую усмешку в глазах Елены и полный недружелюбия и осуждения взгляд Матвея.

Александра вдруг поняла, что ее попытка разрушить их союз не удалась, особенно тогда, когда Матвей обнял Елену за плечи, они повернулись и пошли прочь.

– Ну и пошел вон! – крикнула она ему вдогонку.

Потом повернулась к Григорию, робко дожидавшемуся, когда она успокоится.

– И ты пошел вон! Все вы мизинца моего не стоите! – тут она заплакала и побежала прочь.

***

Матвей и Елена поженились, сыграли свадьбу на Крещение. Она добилась официальной бумаги из окружной полиции, что ее бывший муж, Петр Игумнов, осужденный за убийство

и приговоренный к двадцати пяти годам каторжных работ, пропал без вести в местах отбывания каторги.

Теперь она являлась свободной и имела право снова выходить замуж. Елена сама поговорила со свекром, и он не противился.

– Что ж, дочка, ты нахлебалась горя. Не держи на нас зла. Иди замуж, да будь счастлива. Господь с тобой, – сказал ей старый Михайло.

Елена заплакала. Она обняла старика и обещала всю жизнь помогать ему, как сможет. Но ей не пришлось. В феврале Михайло умер. Он был стар, немощен, и последние силы покинули его. Елена еще долго ухаживала за их с Аксиньей неказистыми могилками. По весне сажала цветы, зимой, если доводилось бывать в деревне, разгребала сугробы. Нет, она не держала на них зла и всегда помнила, как спасли они ее от увечья, которое собирался причинить ей их собственный сын.

Елена рассказала позже Матвею о злостной задумке Петра, но он ей так ответил:

– Я бы тебя, Еленька, и без носа, и без глаза взял бы. Душа важна в человеке-то, за нее любят, а не за красоту картинную. Да ты у меня и так раскрасавица. Я бы, наверное, и не заметил бы, что у тебя носа нет.

Елена рассмеялась в ответ.

Жили они с Матвеем в любви и согласии. После похорон Михайло сразу в Астрахань подались. У Матвея был там дом на заводской окраине. Не хоромы, но жить можно. Елена хозяйской рукой создала уют, навела чистоту и порядок. Иногда скучала она по своей деревне, но они с Матвеем порой навещали родителей: и на Пасху, и на спас. Всю осень Елена обычно с ними проводила, помогала с сеном, картошкой, огородом.

А потом у них с Матвеем и детки пошли. Счастливые родители имели двоих детей: сына Егора, или Горыньку, как его прозывали, и дочку Раечку.

Младшенькая Раечка родилась у Елены поздно, в 1887 году, ей на ту пору было уж сорок два. Но бог послал, и родители были счастливы. Детей вырастили, воспитали. Зачастую ездили в деревню, где пустовали две избы: одна Михайло, одна Еленина. И заботливые родители надеялись, что эти избы пригодятся их детям в будущем, но жизнь распорядилась по-своему.

Смышленная шустрая Раечка не захотела жить в деревне, но и на родительской шее сидеть не стала. Она пошла в услужение в богатую семью Шмитов, где и кусок хлеба сытный, и крыша над головой в барском доме, и уму-разуму можно научиться у интеллигентных образованных людей.

Горынька жил при родителях. В отличие от сестры Раисы он был не очень энергичным по натуре, хоть и намного старше ее. Работал на заводе вместе с отцом, но вскоре бросил это занятие и устроился подсобником в мясную лавку. Позднее женился на дочери мясника, но несмотря на это, он не очень преуспел в своей жизни.

А вот у Раечки сложилась очень интересная судьба, полная радостей, переживаний, горестей и страданий, удач и счастья, всего не перечислишь. Ее жизнь – это целая эпоха, о которой пойдет отдельный рассказ.

А эта история подошла к концу. Я рассказала вам то, что было живо в памяти моей бабушки Ларисы – внучки Еленьки и дочери Раисы Матвеевны. Да и Раиса Матвеевна, Раечка или Раёнка, как звали ее люди, тоже делилась со мной кое-чем из своей прошлой жизни. А прожила она жизнь долгую и умерла в глубокой старости. Так и тянется эта ниточка воспоминаний из глубины веков до наших дней. Ничто в этой жизни не проходит бесследно, все имеет свое продолжение в нас и детях наших.

Часть вторая. Из жизни аристократов. Астрахань, начало XX века

В доме Шмитов

Раечка проснулась рано. Она слышала, как за окном прокричали первые петухи, а это означало, что пора вставать. Барыня не любит засонь, а Рая хоть и молода совсем, но у барыни в чести. Конечно, «барыня» – это слово уже давно устаревшее, да и не барья ее хозяева, а приличная аристократическая семья. Но как же еще называть красавицу Марию Андреевну Шмит, молодую жену крупного астраханского промышленника Александра Аристарховича Шмита, у которых уже второй год Раечка была в услужении? Была она совсем молоденькой, а проворству и старанию ее могла бы поучиться любая гувернантка или горничная.

Жила семья Шмитов в огромном каменном доме с красивым парадным крыльцом и большим двором. Семья была небольшая, Александр Аристархович с женой Марией Андреевной, да младший брат Марии Дмитрий, студент, изучающий право и законоведение. Он имел в своем распоряжении большую комнату во флигеле. А если считать еще и слуг, то получалось, что в одном доме жило около дюжины человек.

Раиса была личной горничной Марии Андреевны. Она прислуживала ей во всем: утром помогала с утренним туалетом, затем провожала к завтраку и прибирала ее спальню. Обычно до обеда они выезжали либо в парк, либо к портнихе, либо в дамский салон. Раечка всегда была при барыне, их всегда и везде видели вместе, и она гордилась своим положением.

Мария Андреевна была дамой знатной в городе, все ее знали, все кланялись при встрече, она отвечала легким поклоном головы и удостаивала публику своим приветливым взглядом. Разговаривала, правда, с людьми редко, но на все вопросы старалась отвечать. Она всегда знала, что сказать и как ответить, и люди уважали Марию Шмит за ее внимание к ним.

Для молодой и жадной до жизни Раечки Мария Андреевна служила примером во всем. Статная, красивая, утонченная, во французских нарядах, великолепных шляпах и шелковых чулках – она представлялась юной девушке идеалом женской красоты.

Хотя в доме барыня была человеком настроения, и когда оно у нее было хорошим, все вокруг улыбались, у всех теплело на душе, и жизнь казалась прекрасной. Но уж если барыня была на что-то сердита – тогда держись, честной народ. Под горячую руку лучше не попадайся. Одной лишь Раечке было не страшно. Она тихонечко брала руку Марии Андреевны в свою и нежно гладила ее, приговаривая:

– Хорошая вы наша, драгоценная. Не сердчайте на нас, мы люди простые и вам подвластные, но любим вас всей душой. Простите уж, коли что не так.

И, как ни странно, Мария Андреевна успокаивалась, сменяла гнев на милость и прощала всем их ошибки и промахи. Она была незлопамятной, а если и сердчала, то только по серьезным причинам. Не терпела вранья и непослушания.

Была у Марии Андреевны еще одна страсть – огромный голубовато-серый сибирский кот по имени Жерар. Его ей подарили совсем крошечным котенком, а к восьми годам он вырос, возмужал, стал ленив и вальяжен. Кот имел колыбельку, где он спал, специально отведенный угол, где он ел, а гулять ему разрешалось по всему дому. Приглядывала и ухаживала за котом Антонина, дородная горничная, которая была ответственной за чистоту и порядок в комнатах, гостиной, холле и залах.

Раз в месяц в доме Шмитов устраивался светский прием. Приглашалась местная аристократия, подавался сытный ужин, а затем в большой зале гости танцевали. Раечка на приемах

не присутствовала, но она всегда должна была находиться где-то поблизости, чтобы Мария Андреевна в любой момент могла ее легко найти, если та ей понадобится.

Александр Аристархович Шмит был охотник. Он выделял любимому занятию изрядную часть своего драгоценного свободного времени и чувствовал себя абсолютно счастливым, возвращаясь домой с добычей и всегда радовался, как ребенок. Мария Андреевна поощряла увлечение мужа. Она вообще старалась быть податливой и ласковой женой, и это у нее хорошо получалось, несмотря на строгий нрав. Даже с единственным братом она была порой строга, но мужу выказывала полное уважение и держала на должной высоте его неоспоримый авторитет.

В этот раз Александр Аристархович вернулся с охоты, как всегда, с добычей и в приподнятом настроении.

– А что, душенька моя, Мария Андреевна, а не собрать ли нам гостей на зайчатинку? А ну взгляни-ка какого я красавца подстрелил! Ну не заяц, а кабанчик! Глянь, глянь! Мясо-то поди вку-у-усное! Запечь его можно, или в соку приготовить, а? Что скажешь?

Александр Аристархович гордо взирал на убитого им зайца и предвкушал изумительный ужин, один из тех, которые с таким умением и старанием готовили его изысканные повара.

Мария Андреевна прижалась щекой к мужнину плечу и ласково проговорила:

– Ну, конечно, Сашенька, дорогой мой, добытчик... Конечно же соберем гостей. Вахромцевы давно не были, Беляевские, да и Немытиных надо позвать, пусть придут с Наденькой. Брату Дмитрию веселее будет. Ох и хорошенькая же она, Надин! Расцвела, заневестилась. А приданое за ней какое!

Мария Андреевна вывела мужа из кухни, где они любовались подстреленным зайцем и повела, нежно держа под руку, в теплую уютную гостиную. Здесь горел мягкий свет, от обложенной красивой глазуревой керамикой печи шло приятное тепло, и супруги, усевшись в удобные бархатные кресла, продолжили свою беседу.

Гостей решено было созвать на ближайший четверг и писарю, Антону Громову, было дано задание отписать и разослать приглашения для гостей.

Накануне званого ужина вся кухня трудилась в поте лица. Был тщательно обработан и выпотрошен увесистый заяц, полностью готовый к приготовлению. Его решено было запечь целиком и приготовить несколько различных соусов. А челядь довольствовалась наваристым супом из заячьих потрохов. Вот же вкуснятина! Да и много как, на два дня хватило!

Придумывались различные закуски, запеканки. Отбирались соленья и готовился десерт. Все было продумано до мелочей и, казалось, ничто не могло уже омрачить предстоящего праздника. Во всяком случае стол обещал быть изобильным и изысканным.

Заячья тушка, а точнее будет сказать туша, была вывешена в сенях с черного входа и ждала своей участи. И вот час настал. Главный барский повар, Иван Михайлов, послал Матрену за тушей, пора было начинать. И вдруг из сеней раздался истошный крик, и Матрена с обезумевшими глазами влетела назад в кухню и запричитала:

– Все! Погибли мы, ой матушки святы! Куды бежать, сгонют со двора!

Иван стремглав бросился в сени, и аж руки заломил от горя, когда увидел, что зайца-то и нет! Дверь в сени не запиралась и, похоже, дворовой кобель, здоровый и страшный Полкан, полакомился зайчатинкой от души.

Всей челяди, причастной к приготовлению званого ужина, грозила страшная расправа. Они знали, какова барыня в справедливом гневе, так что, хоть беги со двора, Матрена права.

– Не бывать этому, – вдруг зло изрек Иван Михайлов, и в голове у него созрел план.

Он не винил Полкана, что с него взять, хищник, он и есть хищник. Но вот кого он ненавидел всем своим мужским существом – это кота Жерара. Особенно он не терпел его на кухне, когда тот тайком пробирался в нее и шастал по полкам, корзинам и ящикам, и все вынюхивал чего-то. Не дай бог, рыбу найдет, всю обгложет и покусает, да еще и нагадит в углу.

Иван не любил эту жирную бестию, но барыне жаловаться не смел, а вот горничной Антонине выговаривал:

– Не будешь за котом приглядывать, пришибу его, так и знай. А тебе ответ держать.

Антонина испугалась, и с некоторых пор кот на кухне не появлялся. И вот теперь Иван замыслил недоброе. Он изловил кота, выманив его во двор, и через час в сенях уже висела освеженная тушка под стать прежней заячьей.

– Ты, Матрена, помалкивай. Ничего, мол, не знаю, никто зайчатину не крал. А кто пикнет, того со двора вон! Мы не сознаемся, а того и обвинят, кто язык за зубами держать не умеет.

Но все обошлось. «Зайца» запекли до румяной корочки, обложили картошкой и мочеными яблоками и подали ароматное блюдо к столу.

Гости ели и причмокивали. Мясо было нежное, мягкое. Да и то сказать, кормили кота, пожалуй, не хуже, чем дворовых. Всегда лакомые кусочки с барского стола получал, и молочко свежее, и сметанку.

Прием удался, все хвалили Александра Аристарховича за вкусного зайца и разлюбезную Марию Андреевну за прием и разносолы. После ужина, как и положено, были танцы. Но гости танцевали мало, больше прогуливались по залу, неспешно беседовали, дамы сплетничали, мужчины хохотали. И только молоденькие Дмитрий Андреевич да хорошенькая Наденька Немытина нет-нет, да и выходили в круг, чтобы покружиться в неспешном вальсе.

Гости любовались молодой парой и перешептывались между собой, что тут, мол, что-то затевается. И у Дмитрия глаза сияют, и у Наденьки щечки пылают. Ну чем не пара, молодые, красивые, богаты!

Но после этого званого вечера Мария Андреевна чуть не слегла, узнав, что пропал ее любимый Жерар. Его искали всем домом, облазили весь двор, все закоулки, переспрашивали соседей, может видел кто шмитовского любимца. Но все лишь плечами пожимали, да сочувственно качали головами: нет, мол, видеть не видели, ищите дома.

А соседский конюх Игнат и вовсе брякнул, не подумавши:

– Помирать, должно быть, сбежал. Коты, они завсегда в одиночку сдыхают. А коли так, то и не найдете его, хошь общитесь.

Дворовые девки на него цыкнули, но барыне про такое и не заикнулись даже. Себе дороже. Она и так вся в слезах, горюет день и ночь, так неужто ее еще больше расстраивать.

Мария горевала долго, все ждала, что Жерар вернется, но время шло, а кот не появлялся. Как в воду канул.

Брат Дмитрий решил немного подбодрить сестру:

– Я котеночка тебе куплю, породистого и пушистенького. Хочешь?

Но Мария отказалась, она все еще страдала по своей потере и заменять любимого Жерара никем не хотела.

***

Шел 1906 год, время беспокойное, тревожное. Волна политических забастовок, прокатившаяся по всей стране, буквально парализовала работу всех производственных структур города Астрахани. В основном бастовали рыбаки, рабочие заводов и мастерских, коих в Астрахани было немало. Они требовали сокращение рабочего дня, увеличения зарплаты и улучшений условий труда. Забастовки и стачки подавляли, но революционные настроения росли, и по городу день и ночь разъезжали конные патрули. Аресты, обыски, столкновения с полицией – все это создавало очень нервную и гнетущую обстановку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.